

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ТРАВДА»

№ 22

1963

ЗАПОЛЯРЬЕ. КИРОВСК. «АПАТИТ».
ВСЕСОЮЗНАЯ УДАРНАЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ
СТРОЙКА БОЛЬШОЙ ХИМИИ

СМЕНА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

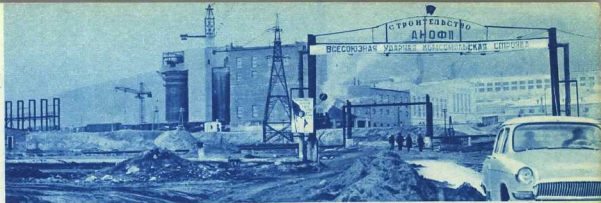
22

**НОЯБРЬ
1963**

Год издания сороковой

В ПОХОД ЗА

ХЛЕБНЫМ КАМНЕМ

На заполярной кольской земле, в самом сердце суровых Хибин, скрывает капризная природа один из драгоценнейших своих даров — апатит.

Камнем плодородия, хлебным камнем зовут его люди. И не зря. Потому что из апатитового концентрата делают суперфосфат, а он, в свою очередь, дарит новую силу земле. Так невзрачный камень хибинских недр обрабатывается хлебом.

Уже не один десяток лет верой и правдой служит кольский апатит советскому человеку. Еще в тридцатых годах дал первую продукцию комбинат, построенный по инициативе и при личном участии Сергея Мироновича Кирова. И если сложить весь апатитовый концентрат, добытый здесь, то получится констание астрономическая цифра — 53 000 000 тонн.

Сейчас комбинат дает четыре с половиной миллиона тонн концентрата в год. Много, очень много. Но в наши дни этого уже недостаточно.

Коммунистическая партия поставила важнейшую народнохозяйственную задачу — резко увеличить производство минеральных удобрений для бескрайних полей Родины.

— Вся партия и все советские люди должны четко представлять, что производство удобрений — это сейчас основа основ подъема сельского хозяйства, — говорил Никита Сергеевич Хрущев.

Эти слова — боевая программа действий для каждого, и в первую очередь для тех, кто производит минеральные удобрения, кто строит большую зимнюю завтрашнего дня.

Заполярный комбинат «Апатит» — это тоже стройка, всесоюзная ударная комсомольская стройка. Комсомольцы шестидесятых годов, приняв эстафету комсомольцев-первостроителей тридцатых годов, продолжают их дело, расширяют комбинат, сооружают новые рудники, новые обогащательные фабрики.

Множество славных дел на счету молодых строителей «Апатита». Многие уже сделано. Но еще больше предстоит сделать. Впереди неала-

мый путь. И в этот путь мы решили отправиться вместе: комсомольцы-строители и «Смена». Журнал взял шефство над всесоюзной ударной стройкой.

Это не значит, что шефы стройки — только редакционный коллектив. Нет, конечно. В редакции десятки людей, читателей твоих «Смен» — миллионы. Так пусть же каждый из нас внесет свой вклад в наше общее «сменовское» шефство!

Ито бы ты ни был, читатель, ты можешь помочь всесоюзной ударной... Может быть, твой завод выполняет заказ для комсомольской стройки в Хибинах? Сделай так, чтобы этот заказ был сдан досрочно. Может, твой локомотив поведет состав с грузами, адресованными «Апатиту»? Доставь грузы вовремя, предотврати возможные задержки. Может, твои товарищи по факультету решат провести на стройке митинг, помочь своим друзьям-комсомольцам! Организуй их, и приезжайте все вместе в Кировск. Если ты ученый или инженер, твою помощь очень нужна. На стройке много проблем, которые ждут оригинальных, остроумных решений. Если ты поэт или композитор, художник или артист, и ты нужен здесь. Напиши для строителей хорошие стихи или песню, посвети им свою новую картину, раскрасишь об этих замечательных ребятах с эстрады...

Ито бы ты ни был, читатель, ты нужен всесоюзной ударной стройке. Мы ждем от тебя помощи, совета, предложения. Мы хотим, чтобы ты почувствовал себя полноправным и активным членом нашего миллионного «сменовского шефского коллектива»!

В этом номере журнала мы публикуем первые материалы со всесоюзной ударной комсомольской стройки комбината «Апатит». Отныне они будут регулярно появляться на страницах «Смены». Мы верим, что выступления журнала принесут пользу, что «Смена» и ее читатели станут настоящими помощниками комсомольцев — строителей заполярного зимнего гиганта.

Эти ребята строят рудник на легендарном плато Расвумчорр. Проходчики комплексной бригады Александра Латынчикова перед спуском под землю.

Корреспондентный пост «Смены» на стройке — самый популярный материал, тот самый, что напечатан в этом номере.

ПРИЕЗЖАЙТЕ, ЖДЕМ!

Нас сорок пять тысяч — парней и девочек, по призыву партии приезающих в Заполярье, чтобы добывать здесь «каменную плодородия» — аланит. Мы нелегко работаем: красивые здания ЦК ВЛКСМ и Госкомитета по жилищно-наш! Но мы хотим жить хорошо и отдыхать.

На первый взгляд, и нас есть прекрасные возможности для отдыха: Дворец культуры горняков, несколько клубов. В Кировске — три народных университета. При Дворце культуры комбината «Аланит» создан народный театр. Три тысячи самодеятельных артистов участвовали в последней смотре художественной самодеятельности. Цифры вроде бы утешительные.

Но вот и другие цифры: на пятидесяти пяти преподавателя музыки и рисования в Кировске только три дипломированных специалиста... За последний год только из Дворца культуры была возложена режиссер, завершающая массовый сектор, тридцать девять руководителей эстрадного коллектива. Нам сейчас срочно нужны три режиссера народных театров, четыре хормейстера, четыре художественных руководителя, семь ведущих клубов, пять аккомпаниаторов...

В Хибини по комсомольским путевкам приезают тысячи молодых энтузиастов. Почему же нет среди них ни одного выпускника творческих вузов — консерваторий, библиотечных институтов, художественных училищ? Мы не верим, что среди молодых хормейстеров, музыкантов, балетмейстеров, режиссеров, художников нет людей, способных горько помочь нам суровый край, сделать еще прекрасней наши песни, ярче — тонны, теплее — улыбки строителей Хибин.

Мы хотим, чтобы постоянную прописку на какой-либо земле получили молодые поэты и прозаики, художники и музыканты, мы хотим слышать их стихи, знакомиться с их картинками. Мы хотим видеть их и нас в творческих командировках. Потому что именно здесь, на всевозможной комсомольской стройке, молодые таланты должны искать героев для своих новых произведений!

Приезжайте! Работы хватит на всех. Пусть история нашего таланта, умения, нашего останется доброй памятью в Хибинах. Мы ждем вас на всевозможной комсомольской ударной стройке! Приезжайте к нам в Хибини, художники и поэты, режиссеры и музыканты!

Корреспондентский пост журнала «Смена» на всевозможной комсомольской стройке комбината «Аланит».

Публика материал своего общественного корреспондентского поста, редакция «Смены» надеется, что на призыв молодых строителей заповольного кинематографического откликнутся не только выпускники художественных вузов, но и руководители Министерства культуры РСФСР, творческих союз...

Комсомольцы — строители Заполярья ждут их помощи!

ПРОБЛЕМЫ ЗАОБЛАЧНОЙ СТРОЙКИ

РЕПОРТАЖ

Учи срезали горы наполовину, тяжело нависали на дорогу, стерли горизонт. Лишь на несколько мгновений ветер равнял небесные хлеба, и в просвете между тучами мелькнул тупой, заснеженный затлок Хибин. Мелькнул и сыркнул, оставив ощущение снежного безмолвия и нелюдимых цирков, напоминающих пунные кратеры... Там Расумовор-плато. Там комсомольская ударная стройка — рудник «Центральный» комбината «Аланит».

Горкомский «газлик» упорно лезет вверх по серпантину Хибин. Тучи слились со снегом — кругом бесполная близина, и от этого терять ощущение пространства. Шофер, навалившись на баранку руля, цепляется взглядом за каждый знакомый ориентир, потому что ориентиров нет. Направо шестиметровый обрыв, налево скала. Шофер напряженно молчит. А мы вспоминаем, что слышали о Расумовор-плато там, внизу. Все говорили об этом месте с увлечением:

— Самое инженерное решение. Система добычи предельно проста: взрыв — экскаватор — самосвал — рудоспуск. Пролетит 600 метров по рудоспуску, руда падает прямо в железнодорожные вагоны. Расумовор-плато — наш главный резерв. Он должен обеспечить рудой новую аланит-рудноэфиную обогатительную фабрику, АНОФ-2. Но...

Это «но» проносился каждый из собеседников... Но метеорологические условия на Расумовор-плато очень суровы: из 365 дней 80 туманных, 188 — метельных, а скорость ветра доходит до 60—80 метров в секунду. И тут же поясняли: во время 12-бального шторма скорость ветра равна 24 метра... В таких условиях не работал еще ни один рудник в мире. Потому...

В одном большом метеорологическом «гно» оказались «гно» помнее. Вставала проблема работы рудоспусков, снегозащиты, освещения.

КОМСОМОЛЬСКОГО ПРОЖЕКТОРА

Факты для этой подборки собраны «проектористами» города Кировска.

ДОРОГА

— Сейчас будут ворота стройки — два столба и надпись: «Комсомольская ударная». Только надписи сейчас не разбираешь, — нарушил молчание шофер.

Бледными тенями мелькнули столбы, и наш «газлик» покатил по плато. За стеклами — размытые туманом контуры ками-то строений и машин. Но вот остановка. Над нами угодило всясь четырехгранное туловище копра.

— С приездом, — усмехнулся шофер. — Нелегкая у вас работа. — Ами-то что! Вот ребята на двадцатипяти-тонках не позавидуют...

Нам с самого начала здорово повезло. Мы попали на диспеттерское совещание горняков и уже через пятнадцать минут знали все о проходе рудоспусков. Повезло нам еще и потому, что здесь же, на совещании, мы познакомимся с ветераном Расумовор-плато, главным механиком Михаилом Михайловым.

Михаил говорит глуховатым, простуженным голосом. Сам он большой, «выполненный в крупном масштабе»: крупные черты лица, крупные, сильные руки, саженный плечи. Словно с рождения еще задуман был перекресток, для борьбы со стихиями на Расумовор. Да он и действительно был первым. Поднялся сюда три года назад с десятком комсомольцев. О том времени, когда на все плато был един-единственный домик геологов, продаваемый со всех сторон скальными ветрами, о десятке отчаянных парней и о самом Михаиле в Хибинах сложена песня:

...Он сидит и грустит неважно о чем. Наш добрейший механик — начальник дорог. Через час ему битый с плато Расумовор. По дороге идти вперед транспортом. Потому что дорога во высоту страшна, и бульдозеру нужно мужское плечо. Потому что сюда не приходит весна. На затялок Хибин, на плато Расумовор.

Мы пересказываем Михаилу содержание пес-

На словах руководители «Промторг» согласны: «молодежь должна учиться. Но когда речь заходит о том, чтобы помочь учащимся вечерних школ, отношение резко меняется».

С третлетом душевного входил в «руководящие кабинеты» «Областной комсомольской «проектористы». И не без основания...

ШАРЖИСТЫ

ни — оказывается, сам он ее ни разу не слышал. Михаил усмехается:

— Это точно. Считается главным маляником, а был навалышником дорог, потому что техники всего и было, что один бульдозер «С-80», четыре домкрата да весть пар молодых рук. Большое дело всегда с нуля начинается.

Они поднялись на Расумовщро-плато в январе шестидесятого. Десять комсомольцев на вездеходе пробивались сквозь пургу. И в первый день пурга победила. Она превратила мир в хаос. На следующий день, когда пурга улеглась, комсомольский десант все-таки прорвался на плато. Их встретил снежный безмолвие и одинокий огонек домтика геологов. В этом домике, уставленном тряпчатными кроватями, и обосновалась бригада Михаила.

Работали в любую погоду. Снег свел лица. На произвольном ветру одежда превращалась в ледяной панцирь. Монтажники разжижали кусты. И когда огонь слезывал с полнубюбок лод, люди снова возвращались к работе. Метели перемаливали единственную дорогу, и комсомольцы спускались в долину на альпинистских кошках, цепю держась за сброшенный вниз канат. Иногда ребята срывались и, теряя в глубоком снегу шапки и валенки, скатывались вниз. Но ни везло: шестьсот метров склона — и ни одной царапины. И все-таки однажды удача изменила бригаду. Отступили и покатались с обрыва монтеинки Свободенко. На следующий день они поднялись на плато двадцатью: Свободенко остался внизу, в больнице. И девять человек работали за десятерых.

А по весне, когда забрызжал полярный день, михайловцы праздновали победу. Первый экскаватор «ЭК-4», гоминкуш траками, вперевалку двинулся по плато, срезая ковшом покровы древних хабанов.

— Вот так, был начальником дорог, потом главным механиком одного экскаватора, а теперь вы-

дели, сколько здесь построено? — широко улыбнулся Михаил. — В столах у нас были!

— Не успели еще.

— Обязательно попытайте.

Мокрая бадня стремительно скользит вниз. Стоял шантаж соится водой. И чем ниже спускается бадня, тем сильнее становится ливень грунтовых вод. Наконец внизу тускло забрезжил зыбой.

На дне его в косяках, блестящих робат работают горняки. Ливень стучит по каскам. Там, наверху, зима, а здесь — осенний ливень, сырой воздух. Идет выгрузка породы после взрыва. На трайфере, или, как его здесь называют, «бычке», Вячеслав Кузин, самый молодой из забойщиков.

Славные руки лежат на «прогах» бычка. Там, где регуляторы сжато воздуха. Поворот регулятора — и бычок, фыркнув, нехота пробует каменное крошево. Еще один поворот регулятора — и бычок зло вгрызается в него. И когда стальная челюсть смыкается, ухватив раздробленную взрывом породу, Славя поворачивает второй регулятор. Бычок взмывает вверх, челюсть его разжимается, высыпая грунт в бадью. И это повторяется с добрый десяток раз, пока бадья не загрузится доверху и не уедет наверх.

Месяце через семь Славя с товарищами закончит проходу, и все здесь изменится. Порода уже не будет идти наверх. Пойдет руда. И не наверх, а вниз. Вырвавшись из кузовов самосвалов, она с грохотом покатится мимо того места, где мы стоим, в железнодорожные вагоны. И столб тогда будет уже называться рудоспускком, главной транспортной артерией рудника «Центральный».

Приблизительно такой же рудоспуск мы видели на руднике «Расумовщро-цирк». Просто чудо, как работал этот рудоспуск: никак тебе техники — одно свободное падение. Только это «чудо» редко останавливалось. Руда смерзалась или спрессовывалась в горлоние рудоспуска, и образовывалась огромная пробка. Ее рвали амини-

том. Полтора месяца однажды разбивали взрывом эту пробку, а добытую руду возили на самосвалах. Производительность «Расумовщро-цирка» сразу упала втрое, а себестоимость каждой тонны руды увеличилась на шестьдесят копеек.

— Ну, а если станет рудоспуск «Центральный»?

— Если станет рудоспуск «Центральный», стает и сам рудник. Следовательно, останются и цехи обогащательных фабрик. Ведь спускать руду на самосвалах в метель и туман просто невозможно. Строить канатную дорогу с Расумовщро-плато не имело смысла: она бы тоже не смогла работать в штормовые дни, — говорил нам главный инженер комбината «Апатит» Владимир Васильевич Гуцкин. — А от останков рудоспуска мы ничем не гарантированы. Ведь «Центральный» будет работать в уникальных метеорологических условиях, в каких не работал еще ни один рудник мира. Вот почему у нас возможна закупка рудоспуска из-за смерзания или спрессовывания руды. Чтобы избежать этого, нам уже сейчас необходимо провести целый комплекс физических и математических исследований, дабы найти оптимальные условия для транспортировки руды с помощью рудоспуска, а также химические: подобрать жидкости с достаточно низкой температурой замерзания, чтобы использовать их для смягчения руды в зимний период и тем самым предотвратить смерзание. Подобные исследования самому комбинату не по плечу. Они под силу только комплексной бригаде Академии наук, в которую бы входили ученые — физики, математики, химики. И время не терпит. Чтобы рудник «Центральный» работал ритмично, эти исследования должны начаться уже сегодня.

Да, время не терпит. Чтобы страна бесперебойно получала каменную породу — апатит, срочно нужно вмешательство ученых. А нерешенных проблем на Расумовщро-плато еще много. В этом

ВОДИЛ ПОЕЗДА МАШИНИСТ...

Водил, водил, да вдруг перестал. И главное, не один машинист, а сразу несколько паровозных бригад. И не то чтобы паровозы испортились или рельсы поскользались на поперечник. Нет. Рельсы целы, и паровозы в исправности. Приходит на них бригады каждый день, держат пар на марке, а он, пар, вместо того чтобы двигаться колесом, уходит в трубу. А труба эта ведет на завод стройдетальстреста «Апатитстрой». И уж если говорить честно, то в трубу угод вылетает не только пар, но и государственные деньги. И немалые. И не только деньги, но и надежды отгрохотали. Надежды на получение жилы...

— Ничего не пойму, — возражает читатель. — Паровозы, трубы, жилы... В чем же наконец дело?

Понять действительно трудно. Но разобраться следует.

Для того, чтобы снабжать паром завод стройдетальстреста, нужны четыре котла. Три из них работают. В мае должны были ввестись в строй и четвертый. Но сие весной все работы на четвертом котле прекратили. Почему? Этот вопрос лучше задать руководителю треста «Апатитстрой». Это они решили заменить котел двумя паровозами. Но, как ни стараются машинисты, их локомотивы не могут дать достаточно пара, к тому же и давление в паровозном котле слишком высокое, но то, которое нужно заводу.

Результаты же самые плачевные: завод работает не в полную силу, а

деж крупнопанельного домостроения (это те самые дома, которых ждут строители!) выдает едва половину того, что мог бы дать при нормальном пароснабжении.

Вот так все и идет. Вернее, стоит. Строительство четвертого котла стоит. Паровозы стоят. Идет только аренда плата за локомотивы, идет жалование поездным бригадам, идет в паровозные топки дрова уголь. Идут мимо соляных паровозов строители «Апатита» и отворачиваются. Смотреть на такое не хочется. И машинист тоже отворачивается. Ему нелегко. Ему бы поезда водить...

У него еще нет имени. Его называют просто Новый город. Здесь живут строители комсомольской ударной.

мы убедились, побывав вечером в карьере открытой добычи руды. Собственно, самого карьера еще нет. Идут вскрышные работы: рудное тело освобождается от горных пород. В карьере день и ночь неутомимо урчат укрытые туманом «КРАЗа». В белой пелене не видно отвала, куда самосвалы сбрасывают породу. Да и самого экскаватора тоже не видно. Лишь на пятиметровой высоте взвешены в молодом тумане его рудящие фары, напоминающие глаза гигантского чудовища. А когда подошли к нему вплотную, наткнувшись на мохнатую белую шерсть гиганта. Это изморозь покрыла толстым слоем металл. Белая огромная лапа ковшом дочиста выскребает взорванную породу.

И тут, у плиты экскаватора, мы столкнулись с младшим братом того самого Слободенюка, который был в первой десятке покорителей Расумчорр-плато. Встретились с Сергеем Слободенюком.

— Вот поднялся сюда вместо брата. Туман! Но это же еще приличная погодка,— прерывает Сергей наши соображения на туман.— Вот когда ударит металл...

Сергей забю передергивает плечами. А у нас в головах невольно всплывают уже знакомые цифры: ветер—60—80 метров в секунду, 80 туманных дней, 185 метельных...

— Впрочем, мы и к метелям привыкли. В общем-то, в закрытых кабинках работаем. А вот бурьничкам плохо. Они таких кабин не имеют. У них забю. Герметические кабинки нужны. Правда, и нам герметика не помешает. Налетит наледь на электропроводку и стопорится экскаватор. Управление легит...

Ой, как хотелось нам, чтобы в этом промозглом тумане рядом с нами стояли конструкторы машин, чтобы они услышали слова Слободенюка! Сегодня мы повторим эти слова и обращаемся к конструкторам: Расумчорр-плато нужны совершенные машины, которые бы не выходили из строя в метель и мороз, в которых было бы удобно работать горнякам. Да, люди на плато Расумчорр самоотверженные, отважные. Им не страшна ни-

какая напасть. Но это совсем не значит, что мы можем не заботиться о них и заставлять горняков из-за малейшей помехи нырять из кабины в пургу, ремонтировать машины на штормовом ветру.

От экскаватора мы ехали в кабине двадцатипятитонного «КРАЗа», который здесь, на плато, один зовет ласково «малютка», другие деловито — «четвертак». Ехали и вспоминали слова горномовского шофера: «Вот этим ребятам не позавидуешь».

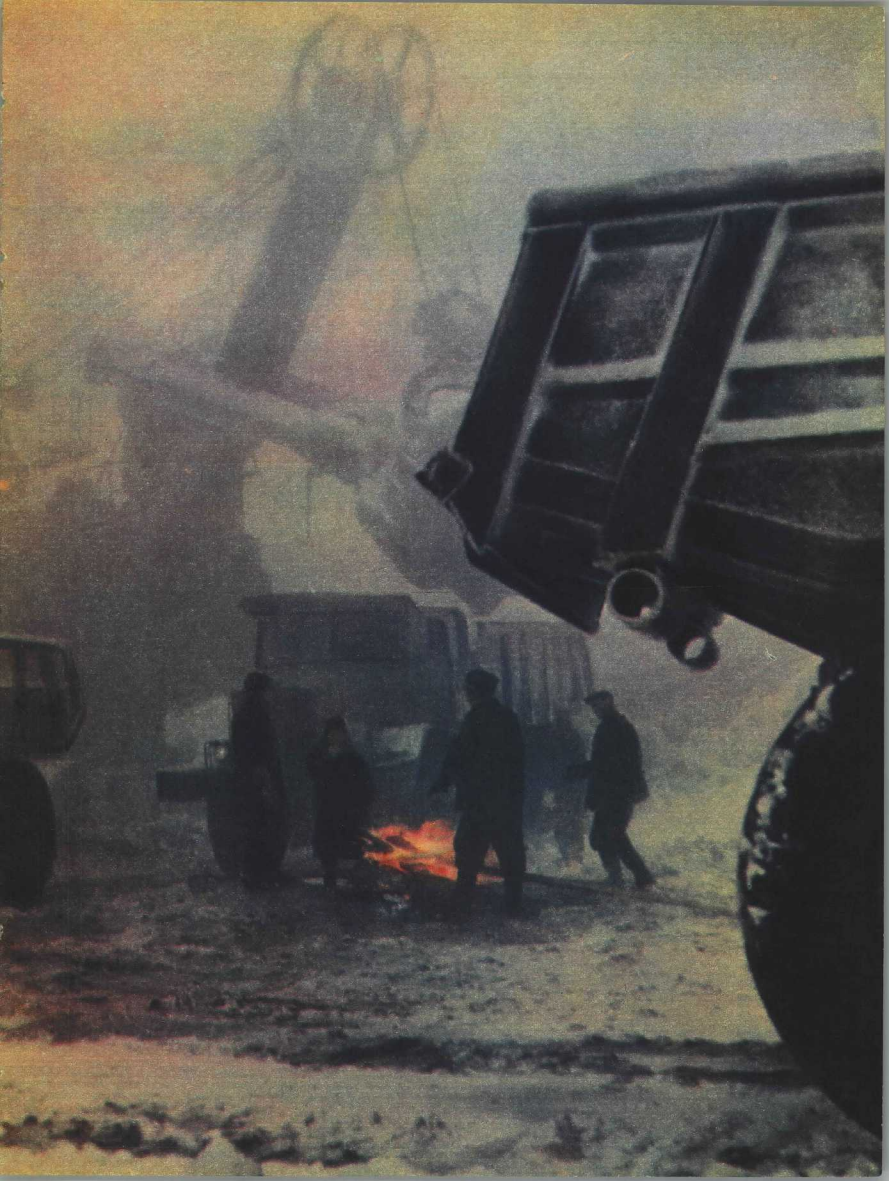
Водитель — один из лучших на плато — Володя Александрюк еле удерживал машину с двадцатипятитонной тяжестью руды. Руль рвался из рук. Фары «четвертака» беспомощно тыкались в угрюмую стену тумана. Володя осторожно резервировал «КРАЗа» к отвалу, дал задний ход и через мгновение за нами захрохотала порода, ссыпавшаяся из кузова в шестисотметровый отвал. Когда грохот утих, Александрюк подал машину вперед и облегченно вздохнул:

— В жизни что самое страшное? Неизвестность. Так вот здесь эта проклятая неизвестность всю дорогу. Едешь вслепую, на одной интуиции. Света здесь надо, больше света! А в проекте, я слышал, предусмотрено обычное освещение. А тут нужны противотуманные прожекторы, мощные лампы и еще... Не знаю, еще что,— ученые должны знать.

И снова разговор пошел о научных исследованиях, о серьезных теоретических разработках, о создании надежной системы освещения, без которой трудно будет работать и машинам и людям на плато.

Мы покидали Расумчорр-плато ранним утром. За нашими спинами воздух потряс мощный взрыв: на плато шли вскрышные работы. Стройка набирала силы. Мы уезжали со смешанным чувством. Настоящие Расумчорра в надежных руках — ударная комсомольская сдест рудник в срок. А вот будущее... Будущее «Центрального», его бесперебойная работа зависит от того, насколько энергично наши ученые и инженеры подключатся к решению кардинальных проблем этого уникального высокогорного рудника.

Материалы о всеююзной ударной комсомольской стройке комбината «Апатит» подготовила выездная редакция «Смены». В ней работали: О. ВУКОЛОВ, Б. КРАВЧИНСКИЙ, Ф. РОДИОНОВ, В. САНК, А. СТУКОВ.

М. ОСТРОВСКИЙ.
Снимок 1924 года.

КОНИ И КОПЕ

И. РАХИЛЛО

У Московского Дома актёра на улице Горького стоит группа молодых африканцев. Рядом с домом — старинный особняк. Белокурая молодичка рассказывает своим слушникам историю особняка.

— А это? — спрашивают высший, худощавый юноша в больших очках, показывая на мексиканскую доску, прикрепленную у входа.

— В этом доме жил и работал писатель Николай Островский.

— О, Островский?! — Удивлению африканцев нет границ.

Да, конечно, они знают Пушкина, они чтят его слова поэтом, ведь он внук уроженца Африки Ганнибала. Но они хорошо знают и Островского. Они читали его книги. Он жил в этом доме!

С глубоким волнением разглядывают молодые африканцы выцветший на доске барельеф писателя.

— Ведь он скакал на коне, — говорит один из них. — Я всегда представлял его на коне.

Юноша прав. Просто неистовство, как неудачно скульптор изобразил Островского на этой доске! Вместо всадника в краснокожаной броне, скачущего в атаку с обнажённой саблей, каким остался в памяти молодежи Николай Островский, художник изобразил обыкновенного человека. Нет, но таким был Островский в жизни.

Те, кто встречался с ним, знают, какой это был весёлый, жизнерадостный, полный юга, юмора и несгибаемой воли человек.

Вспоминается солнечное лето 1934 года на юге, в Сочи, где янтарного цвета небо. С поэтом Михаилом Голдидым и Сергеем Васильевым направляемся в гости к Островскому. Сворачиваем на тихую улочку. Она называется Ореховой. Немалый заборчик. Калитка со шкелодой. Входят.

— Хлопцы, сюда!

— Он ждёт нас в саду, — приветливо встречает мать Николая Ольга Осиповна.

Островский лежит под густым нависающим на кроватку. Газа его раскаты. Его высокий, умный лоб тронут легким загаром.

— Здорово, друзья! Присаживайтесь поближе, чтоб я мог вас опустить... Так непринуждённо завязываются наш дружеский разговор. Через несколько минут мы совершенно забываем, что перед нами — большой, навсегда привычный и постылый, потерявший зренье человек. И это — от его удивительной выносливой улыбки, любознательности, какой-то внутренней силы и убеждённости.

Недавно на квартире Островского заседало бюро Сочинского городского комитета партии. Писатель-коммунист Николай Островский отчитывался в своей работе.

Бюро горкома вынесло решение, в котором наряду с высокой оценкой работы писателя ему предлагалось разгрузить себя от всяких забот хотя бы на месяц.

Наша беседа затягивается до вечера. Пора уходит. Мы прощаемся, берем свежее главы его нового романа, «Рожденные бури», чтобы прочитать и обсудить их.

— Только по-настоящему, — требует Николай, — по-большинству. Молодому писателю лень вредя. Я должен расти, помогайте мне!

Есть целый ряд обстоятельств, — говорит он, — которые требуют от меня особого упорства в моих привычках критиковать сурово. Я боюсь, что мое поколение может послужить препятствием для жестокой критики. Подойдите ко мне, как к писателю, отвечающему за свои произведения в полной мере, как к художнику и коммунисту.

— Нет, книга хороша!

— Я хочу, я даже обман прожить еще три года, — говорит Островский, возмущаясь, — чтобы дать нашему поколению еще одну-две книги... Врачи не учли материала, из которого сделан болшевик. Вот почему я так много рабств, много читаю и учу. Я буду работать до последнего удара сердца. Для меня качество второй моей книги — дело чести! Я буду

работать настоящим и любовно, вдумывая в нее все, что даю мне интеллигент лет моей коммунистической жизни!

Тени деревьев протянулись через улицу. Николай прощается со мной в комнате. Поднимая голову и борясь несомненно в душе: он шуршит, улыбается вечернему солнцу.

Островский говорит о значении книг в его жизни.

— Книги — это чудо! Они учили меня жить. Но я и всегда любил правду, от любой намлеванной или. Помню, еще совсем подростком читал я роман одного иностранного сочинителя, где рисовались подвешенности графа-самоубийцы над своим жандармом. Разделяла меня эта книга. И вот, когда граф ударил лакея по носу и тот даже уронил поднос, вместо того чтобы лакею униженно улыбнуться и уйти, как было написано у автора, я — от имени обожанного — начал кричать графа по-нашему, по-рабочему — от всего сердца... Поучилось это приблизительно так: «И тогда лакей обернулся до этого графа, да как двинет его по спине! И не раб, а дак, так что у графа аж в очках засветило!» И хотя это звучало не очень инцидно, но зато правду, как мне хотелось...

***

До конца своих дней Островский был привязан к постели. Но дух его не сломен: он мечтал о поездке в Москву. Врачи опасаются за его жизнь: он может умереть в дороге.

...К осени 1934 года Островский закончил первый том романа «Рожденные бури», написав в течение одного месяца пять больших глав. Здоровье его ухудшалось с каждым днем, и он спешил к отъезду.

Комсомольско-железнодорожники переоборудовали для своего любимого писателя куте спальное вагона, и в начале зимы Островского с большой предосторожностью повезли в Москву.

В тот вечер шел густой снег. На вокзале собралась большая толпа встречающих: тут были родные и друзья писателя, корреспонденты газет, читатели.

В вагоне наполненном куте лежал удомленный дальний дорогой большой писатель. На его абу сверкали жемчужники нота. Он слабо ответил мне на пожатие руки. Но в голосе Николая Алексеевича слышалась радость, он был счастлив оттого, что был в Москве, что скоро приступит к своей любимой работе.

— Тут к моим услугам будут все военные и исторические архивы и специалисты-консультанты. Начну трудиться, не отходящая ни от минуты. Мне надо закончить «Рожденные бури». Я хочу также успеть написать книгу для детей, а после того — научно-фантастический роман. А затем — продолжение книги «Как закалялась сталь» под заглавием «Счастия Корчагина». Планы у меня большие, хватало б сил...

В Москве Островский работал со своей женой Раисой Порфирьевной и двумя сестрами. Из них одна была писательницей. Он жил интересами всей страны, слушал радио, выписывал четырнадцать газет и тридцать четыре журнала, вел переписку с друзьями, учился в институте и непрерывно работал над своими произведениями.

***

И вот я снова в том доме и в той комнате, где жил и работал Николай Алексеевич. Все это знакомо. Все остало на том же месте, как и при его жизни. Тысячи людей со всех концов земли побывали в этом доме, знакомом с героической жизнью юности на коне, солдата гражданской войны и писателя коммуниста.

Николай Островский говорил:

— Помню, что, кроме личного, у нас есть гораздо больше — это борьба и честь нашей Родины!

Описывая прошлое, участвуя своим творчеством в строительстве сегодняшнего дня, Островский был весь обращен в будущее.

Он любил жизнь. Он любил мечту.

— Мечта для меня — одна из самых чудесных загадок. И трачу массу энергии и tones разражаюсь, как аккумулятор. И вот надо найти источники, которые бы мобилизовали на работу. Моя мечта, даже самая фантастическая, всегда имеет конкретную цель. И мечтаю не мечтало о невозможном, — так говорил коммунист-писатель Николай Островский.

***

Нет ничего,
Кроме движения в мире
И разных свойств материи одной...
А я стою

Один
В пустой квартире
И слушаю,
Как рядом за стеной,
Не сдерживаясь,
Слез своих не пряча,
Забыв, должно быть,
Всегда обо мне,
По-детски кто-то,
Всплывая, плачет,
Прикасаются к
Тоновым стенам.
Подумавшись,
Ну что же тут такого!
Нельзя все слезы
Принимать всерьез:
Сегодня

горе,
Завтра радость снова...
Да мало ли вообще на свете слез!
Какое дело мне до этих всхлипов,
До милого плавания в чужие руки!
Мне нужно думать
только о великом —
О прошлых
и о будущих веках.
Смотреть вокруг спокойно,
Твердым взглядом.
Быть только перед вечностью
в долгу...
А тут за стеной плачут.
Плачут радом.
И я спокойно слушать не могу.

Иван РЯДЧЕНКО

ПУШКИН

В час, когда лишь звезды ярки,
дремлют улицы и парки,
он выходит в сюртуке,
с тростью черною в руке.

Он гуляет больше века
по бессонным мостовым.
Только маленькое эхо
разговаривает с ним.

Слышит крапы на причалах,
дышит свежестью вьсыни.
В волосах его курчавых —
блески лунной седины.

Удивительные строки
напыляют, как гроздь.
И в глазах его широких
замерзает слеза.

Потому что в том романе
линого горя и бедь,
Потому что бедной Тане
не замечь своей звезды.

Потому что там, за снегом,
за не в силех прелезочек,
завернувшись в плащ, Онегин
насегда уходит в ночь...

То задумавшись, станет,
то печально сердце ранит
наш знакомый в сюртуке,
с тростью черною в руке,

то сидит на парпалете...
И не принимает мер
самый бдительный на свете,
строгий милиционер.

Но валит ему Одесса,
чтоб следил, как часовой;
нет ли где-нибудь Дантеса
с пистолетом под палочой...

***

Север. Холод. Озера синие.
Сила томлющая гряды.
По бокам одиозной линии
Вдаль бегущие провода.
Деревянные полустани.
Камия мерзлая седины.
«Кожва», «Сейдас»
и «Лобитянгики —
Непонятные имена.
Туч похлывающих гряды
Океан заткнуто сплошь...
И такое тепло во взглядах,
Что и в тропиках
не найдешь.

З В Е З Д А Ы

В черном небе ходят тучи,
На земле мерцает льды,
И мигает свет деревушки
Неизвестной мне звезды.
Я слышу тебе:

«Сейчас,
Может быть, в Сибири гда-то.
В путь на дальние планеты
Приготовился фантаст...
Может, он уже закончил
Все, что нужно на Земле!
Кто же он?»

Ученый? Летчик?
И в каком живет селе?

Добрым будьте!
Как русские реки
В своей сверкающей широте.
Добрым будьте!
В атомном веке
Мир нудается
в доброту.

Будьте добрыми в песне птичьей —
не обрывайте ее на лету.
Будьте добрыми!
Не топчите
Ромашек
неброскую
красоту.
Не проходит спокойно мимо
Вскрытой,
как вена,
весенней кормы...
К подлости
будьте непримиримы,
Будьте к людям,
люди,
добры!

***

***

Есть слово
Резкое и злое,
Как дождь,
секущий по лицу.
Оно срывало ночью с косяк
И стропило нас на плаву.
Я был солдатом...
Мне досталось
Служить на дальнем рубеже.
«Тревога!» —
Может быть, остался
Ты с той поры в моей душе.
Я лишь тобою проверяю
Все,
что дается мне судьбой.
Я никогда не променяю
Тебя на тихое
«Отбой»...

Андрей АЛДАН-СЕМЕНОВ

По какой идет деревне,
У какой стоит река!
Что поют ему деревья,
Что бормочут тростинки!
Где б он ни был,

я уверен:
Он в далекий путь готов.
И смотрю я на Венеру
Сквозь разрывы облаков.
За звездой звезда роится,
Вот еще одна. И вот
Фантастическая птица
Начинает свой полет.
От ее живого жонгль
Остается в небе след.

Ей теперь дано движение
По законам всех планет...
Хорошо в долине сонной
В полночь на траве сырой
Видеть бедный,
невесомый
Млечный Путь над головами.
Слушать чуткий шорох звезд,
Шепот листьев, как в бреду
Любоваться на Венеру,
На маянскую звезду.
Надо мной дугою зримой
Звезды вечные сошлись...
Входит мир неповторимый
В повторяемую жизнь.

Алексей РАЗЛАЦКИЙ

В С Т Р Е Ч Е Н Ы Й

Я по утрам
спешу пустынным сквером,
чтоб дальнего обхода
избежать,
и каждый раз
его
встречаю первым,
идущего навстречу не спеша.
Он кажется мне
очень нелюдимым.
Я взгляд
стремлюсь нововольно отвести.
Он и весной
напоминает
зимы,
а с летом —
ну никак не совместим!
В его руках
и самый новый
зонтик
мне старомодным кажется,
как храм...
Ему уже, наверное,
под сотню,
а я его
встречаю по утрам...
Он каждый раз
идет
пустынным сквером
по-старчески спокойно,
не спеша
и, видимо,

меня
встречает первым,
бегущего,
как будто
на пожар.
А я,
по-птичь
подлетаю к трамваю,
услев сминца
на подножью сесть,
с огромным
попышением
показывая,
что что-то
в нем
особенно есть,
в том,
что шагает
бордо, а не соиню,
в том, что шагает ведь,
а не стоит,
в том,
что ему,
наверное,
под сотню,
а он себе
работает, старик!..
А кто он!
Просто дворник!
Иль профессор! —
Я не могу никак
определить.
Любой

из существующих профессий
его
сейчас
могу я назвать.
И кажется:
своею жизнью поздней,
дошедшей
до последних холодов,
он,
может быть, приносит
большую пользу,
чем я
своею силой молодой...
Я это понимаю на подножке
и, оглянувшись,
долго так стою.
И он стоит
на скверовой дорожке,
быть может,
вспомнил молодость
свою...
И он
трамвай мой
проезжает взглядом...
А может быть,
случайно так пришлось...
Нам очень уважать друг друга
надо!
Мы полосу.
И мы земляны ось.

Время

За старой горой, расстрекавшейся и безлесой, живет Время. Здесь оно отдыхает после мучительных трудов. Здесь по звездам светит, точнее ли оно. Посылает Время на землю своих детей — Секунды, Минуты, Часы, Дни, Месяцы, Годы...

Никого на свете нет старше Времени. Много повзало оно — тысячи тысяч летидских судеб пропало на его глазах. Помнит Время одну историю...

Хорошо помнит, как в доме у расстрекавшейся безлесой горы поселилось двое людей: бодрый, часто смеявшийся каким-то огульным, хлещущим, как барaban, смехом, и другой — молчаливый, смеявшийся редко, но так зарывательно, что даже подслухи забывали о солнце и удавленно поворачивали к нему свои золотистые головы.

Юрий Ярымш — киевский рабочий. Но его имя широко на Украине юному читателю. Он автор четырех книжек романтических и

философских сказок для детей и взрослых. В этом году Ярымш принят в Союз писателей Украины.

Время часто заглядывало к этим людям в окна, когда шла в мир или уходило на отдых в горы. Человек, смеявшийся хлещающим, резким смехом, все старался быть современным: он носил самую модную костюшку, повторял самые свежие остроумия, читал только самые новые книги. Он с гордостью говорил молчаливому соседу:

— Дорогой товарищ! Будьте, как я! Идите же наконец в ногу со временем!

Но всегда, все отдававший науке, решивший даже на прогулке, даже дома свои занятия, не замечая ничего вокруг. И лишь тогда, когда его сын пришел в дом невеселым, он воскликнул, пораженный:

— Скажите, а уже не так молодо! Куда же ушло время?

— Это я его перехватил у вас! — расхохотался сосед. — Ведь я иду всегда с ним в ногу!

Но когда после этого минуло еще много лет, родился и умерли сотни мод и тысячи остроумия, и старый, молчаливый человек был очень болен и одинок, и те минуты он неожиданно подумал, что он, кажется, так и не был в ногу со временем, а лишь гнался за его постоянно меняющейся одеждой. И он воскликнул горестно:

— А ведь Время-то ушло навсегда!

Эти слова услышала его молчаливый сосед. Он взглянул в зеркало и вдруг увидел там себя молодого — старого.

— Да, сосед сказал правду. Время прошло, а я не успел сделать и половины задуманного. Как это печально!

Но древнее Время только улыбнулось словам старого молчаливого: оно-то всегда было рядом с ним! Ведь люди за спиной этого уненого чудака давно уже почтительно поворачивали:

— Его коснулось дыхание Времени, и он обогнал его!

И когда снова утешало много лет и ученый умер, и когда минуло еще столько лет, сколько он прожил на свете, люди говорили восторженно:

— Вот человек, который победил само Время! Смотрите, сколько промчалось лет, а я по-прежнему с вами! Как бы мне, жила бы негод!

И беспрестанно Время, исто exhaustedness на своем веку, когда поднимается на расстрекавшуюся, старую гору отдохнуть от трудов и взглянуть на далекие звезды, думает, что ему интересно жить, наверное, потому, что рождается на свет вот такие чудоватые, но замечательные люди.

Ветер

Молодой веселый Ветер летел издали. Он мечтал наперегонки с теплыми волнами океана, шпугал с высокими, гибкими пальмами, играл в прятки с маленькими обезьянками в непроходимых зеленых джунглях. К вечеру он устал и заснул на лугу. А утром Ветер не узнал вокруг себя ничего. Он

был на лесной поляне. Желто-зеленые, медные, багряные листья трепетали на серых и коричневых ветках. Легкий туман ласкал высокие кроны деревьев.

Между деревьями шла невесомо, будто павала, смеясь юная девушка. Она то словно таила в тумане, то ее стройная фигура серебрилась в косых осенних лучах. Девушка неловко нагибалась к земле, собирая какие-то семена, и пела простую печальную песенку.

Ветер тихо подкрался к девушке и вдруг потащил ее длинную косушку у себя.

— Ой, кто это? — вздрогнула девушка.

— Это я! Пригладился внимательней, и ты увидишь меня.

— Да и я, кажется, вижу... И не вижу!

Ветер рассмеялся.

— Не мудроно. Ведь я Ветер! А ты кто?

Девушка стала строгой и даже суровой.

— Я хозяйка Осеннего леса. Зачем ты приле-?

Хочешь, чтобы быстрее пришла зима? Знаешь сорвать все листья, чтобы я исчезла?

— Нет, зачем же так, не бойся! — встревожился Ветер. А когда он трепыхался, расквашивался деревья, облетала листья, прятался птиц в гнездах.

— Давай дружить! — горячо воскликнула Ветер и

закружила девушку по полюне в вальсовом танце.

— Пусти! Отпусти же меня! — возмущалась та.

Ведь я исчезну, надаю исчезну!

И она медленно растаяла в голубом осеннем воздухе...

Ветер стал темнее тучи. Но темнее обожженных деревьев он не мог стать. Желто-зеленые, медные, красные одежды леса одиноко лежали на земле.

Печальный Ветер вихрем помчался по свету, срывая последние, вьюжную листву, холодными дождями и туманами наступил. Следом за ним неслабыми ступала, захватывая все в свои валденки, величавая зима...

Среди окских холмов, на вершинах скал, в дельтах вечнотекущих лесов искала Ветер иголку хвойного Осеннего леса. Но найти не мог нигде.

Минув год. Осеню Ветер опять полетел по земле.

Он увидел девушку с золотой косой на той же поляне и, радуясь, подхватил ее, закружил шумным вихрем.

— Я нашел тебя, нашел! — смеялся Ветер.

— Постой, отпусти, отпусти меня! — умоляла девушка. — Ты так ничего и не понял. Мы не можем дружить. Меня снова не станет!

Шелест багряных листьев на ветру, шепот свои осенние сказки. Захрипел, саушая их, увидевшая важная трава. Улетают на юг встревоженные птицы.

А Ветер кружит и кружит среди деревьев, ища хвойную иголку Осеннего леса, которая снова исчезла, будто волшебный сон...

Ревел с украинского автора.

Т Р И Ф

Н Е Ш О В О Й

М И Ф

Юр. БЕЙЛКИН

роходя по улицам, вы не раз побоялись светом неоновых реклам. Но вряд ли многим известно, что от этих наполненных газом трубок идет свое начало отпрыток чрезвычайной важности...

Изобретать — это значит видеть то, что видела все, но думать при этом так, как не думал никто. Именно этот принцип и лежал в основе экспериментов, которые проводил из года в год в Физическом институте имени П. Н. Лебедева Лев Николаевич Короблев. Его привлекла несомненная свойства газа, прозвонившего электрическим разрядом. Именно решил выяснить, что получится, если обычную неоновую лампочку включить в сеть не так, как ее рекламирует, а создать в ней постоянный начальный ток ничтожной величины — в сотых тысячную долю ампера. Вот тут-то лампочка и начала раскрывать чудесные свойства своего характера.

...На столе два стандартных блока счетной машины. Один из них — из обычных электронных ламп, другой — из газоразрядных неоновых ламп с холодным катодом. Различия между ними поразительно легки, но очевидны, второй совсем маленький. Однако отличаются они не только внешне, но и внутренне своим содержанием. Ведь каждая маленькая неоновая лампочка может заменить довольно значительный по размерам радиоэлектронный блок. Например, счетная машина «Урал», содержащая 800 электронных ламп, занимает площадь до 30 квадратных метров. А вычислительное устройство, имеющее столько же неоновых ламп с холодным катодом, не превышает размеров домашнего телевизора. Есть у полупроводников и электронных ламп и другой довольно существенный недостаток. Они «хрупки», их трудно проконтролировать. Нелегко в слоенных переплетениях ламп и транзисторов найти неисправность. С неоновой лампой куда проще. Здесь достаточно богатого запаса по ряду розовых светлячков, чтобы обнаружить бракованную лампочку.

Газовая полупроводниковая — так называют

звал неоновую лампу академики А. Ф. Иоффе. Она проста, долговечна, экономична...

В электронной лампе — хитроумных сплетения тончайших деталей из дорогих металлов. Их здесь 50—70. Главная из них — нитод. Но вот беда: от нагрева он быстро перепароится да к тому же и электроэнергии потребляет много.

В неоновой лампе всего лишь шесть деталей. Они не нуждаются в подогреве и потому так же просты, как и прочны — она может слушать десятки лет, то есть в сто раз дольше гарантийного срока электронной.

При широком внедрении ламп с холодным катодом ежегодно будет сэкономлено более двух миллиардов рублей.

... Главнейшая «Наука» Выставлен достижений народного хозяйства СССР демонстрируется десятком приборов различного назначения, оснащенных лампами с холодным катодом. Это и автоматическая телефонная станция размером с чемодан, мигрирующий детектор атомов, и имитаторные вычислительные устройства, измеряющие ядерные частицы или вакууме учет готовой продукции, и уникальная диагностическая установка, позволяющая ученым наблюдать распространение космических лучей и изучать их взаимодействия в атмосфере. Многие из этих приборов серийного производства побывали на выставках в Брюсселе, Женеве, Нью-Йорке.

У неоновой лампы есть уже немало заслуг перед наукой и техникой. Определен степень миниатюризации, ей удалось слезать на космической ракете, запущенной в сторону Луны, она участвовала в строительстве Кубышевской ЭС, контролирует с помощью радиометрической аппаратуры плотность грунта, развешивала на автомате по стране без усталых слез за расходом топлива в двигателе. Работала и продолжает успешно работать в банковских автоматах, на фабрике «Гознак», подсчитывая бумажные купюры и монеты.

В недалеком будущем неоновая лампа сможет заменить в электроавтоматах до полovice дорогих электронных ламп, реле и полупроводниковых триодов. Она скоро перекончат и в телевизорах, намного превосходя по надежности и значительно снизив стоимость.

Несколько лет назад Нинта Сергеевна Крутица, ознакомившись с принципом отыграния П. Н. Короблева, сказала себе:

... Быстрее внедрять в промышленность изобретение, чем использовать своих идей!

Сотни электрических схем-рецептов применения изобретения уже опубликованы в журналах и книгах. По совету промышленников, инженеров, энтузиастов, идут передовики четырех классов и институтов, разрабатывающие новую аппаратуру на лампах холодного катода. Они открыли замечательные свойства чудо-лампочки принадлежат Советскому Союзу, она стала предметом исследований ученых всего мира. Эта лампочка, по количеству патентов, академиком Д. В. Скобелциным,ประดิцует сегодня своей историей триумфы.

Н. Н. Короблев в лаборатории.

Разнообразны типы крошечных ламп с холодным катодом. Рядом с двухкопийной монетой они кажутся крошечными.

Сравните эти блоки. А ведь они выполняют одни и те же функции!

ПОСВЯЩАЕТСЯ «ЧАЙКЕ»

В Центральной Доме литераторов состоялся вечер московских писателей с космонавтами Валентиной Терешковой и Валерием Бывковым. После торжественного собрания я сфотографировала Валентину Терешкову с полетчицей Юлией Друниной, Риммой Казаковой и Вероникой Тшуновой. Я обратился к полетчицам с просьбой поделиться на страницах «Смены» своими впечатлениями о встрече с «Чайкой».

— А в стихах можно? — спросили они. — Конечно!

Эти стихотворения Юлии Друниной, Риммы Казаковой и Вероники Тшуновой, посвященные Валентине Терешковой, мы и публикуем.

На снимке (слева направо): Юлия Друнина, Вероника Тшунова, Валентина Терешкова и Римма Казакова.

Ал. ЛЕСС
Фото автора

ЮЛИЯ ДРУНИНА

ВЕРОНИКА ТШУНОВА

От межзвездных дорог

До марсовой дорожки

Расстояние — целая жизнь.

Слотриг мир, как летят по сунку

Босониюки —

Осторожнее, не спотыкнись!

Валентина,

не сбейся с ног неаромо,

Острой шпилькой ковер не задевай.

Нелегко это —

жить под всевидящим оком

Миллионов влюбленных людей.

Может, это труднее,

чем все перегрузить...

Только, а за тебя не боюсь —

Просто, даже застенчиво,

очень по-русски

ты несешь поклонения груз.

Кто предельно скромности

Льшь успела ты встать

Как в резной младенческой улыбке,

Как в осознанной зоркости.

Не узнала поддержки отеческих рук —

И если в безразжии и крепки!

Пал героем на фронте отец.

Но была с тобой Родина —

Человеческих рук и сердец.

Если чудо является робком и осторожным,

ели вдруг невозможным, даже возможным, — это не просто подвиг

как таковой свершается, это судьба человечества будущего решает.

Это — твой крылья, и это — моя сила.

Какие ты мне просторы в жизни земной открыла, какой долгожданной верой сердце мне осветила!

Я оную руку на штурвале.

Две очей маленьких рук —

Как вы безразжии и крепки!

И если в безразжии и крепки!

В какой-то свой серьезный час,

То, знача, помню в Валушину, Упорству у нее учась.

РИММА КАЗАКОВА

этой улыбке,

Голубую сиянию глаз!

Льшь успела ты встать

Как в резной младенческой улыбке,

Как в осознанной зоркости.

Не узнала поддержки отеческих рук —

И если в безразжии и крепки!

Пал героем на фронте отец.

Но была с тобой Родина —

Человеческих рук и сердец.

Я решил: для начала пойду на станцию «Ленинград-товарный», погляжу на тяжелые составы, грузовые станки, контейнеры с точными проработками в торговом порту увыку суда с грузами, на которых стоит маркировка «Ленинград», на которых помечено «Сделано в СССР», с грузами, на которых должно быть стоять рядом с фирменным знаком: «Сделано комсомольцами сверх плана». А там останется побывать на лучших предприятных и выбрать для очерка несколько интересных эпизодов. Но, как иногда бывает, изменился случай, и попутно с основным заданием я стал искать Командора.

Пожалуй, мало кто начинал поиски с такими исходными данными: неизвестен адрес, неизвестна фамилия, даже имени нет — лишь дружеское прозвище, оставшееся, наверное, от давних мальчишеских времен. И было три старых письма.

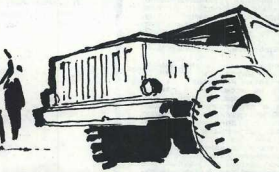
Собственно, с писем все и началось. Год назад их нашел мой давний близкий друг зооинженер Игорь Максимов, когда с бригадой строителей свозил один из старых домов на Петроградской стороне. Они были аккуратно завернуты в газету. По-видимому, вывали в суматохе переезда да так и остались в углу старой комнаты среди непонятных бумаг и обрывков бумаг.

— Он стоящий парень, этот Командор, — сказал Игорь, передавая мне письма. — Вот найди ты его и расскажи о нем. Попробуй, а?

Легко сказать: попробуй. А как искать? Где искать?

ГРАНИЦЫ

ВОЗМОЖНОГО

Была нормальная ленинградская погода: шел дождь. Блестел асфальт, отполированный водою, мерцали мокрые листья клеенов в скверике возле управления Кировского завода, слышимым потоком шли люди от проходной, растекаясь между декоров и скульп — близкаясь время смеши. Олег Алексеев, комсорг механооборочного цеха, повернулся ко мне от окна и с сожалением развел руками.

— Так, с ходу трудно... Ну, работаем, выполняем план. Самым серьезным делом был трактор. Слышал о «Кировце»? Двести пятьдесят лошадиных сил, универсальная машина. Мы делали опытные образцы. Ну, сделали, конечно, в серию. Знаешь, подъем к Риму Исханову, может быть, он вспомнит что-нибудь подходящее для тебя. Он у нас в начале комсомольского контрольного поста.

Олег снова развел виновато руками и украдкой взглянул на часы. Он торопился.

И вот мы снова сидим в тесной клетчатке цехового комитета, а Рима Исханова, спокойный, как пасечник, раскрыв паху с документами, показывает графики декурств, сигналы членов поста, контролирующихся, прохождении важнейших деталей. Рима очень обстелел. Он рассказывает и при этом время от времени останавливается, чтобы я успел записать. Я записываю, хотя цифры эти не так уж мне и нужны, ведь я уже приехал не за свободой... Похоже, в этот раз придется уйти несолоно хлебавши.

И тогда, переводя тему разговора, рассказываю ребятам о Командоре и даю прочитать письма. Я вижу, как Олег скользнул взглядом по неровным строчкам одного из писем, затем, прочитав, возвращается к началу и читает снова:

«20-IV-1958 Прилет из Казахстана! Здравствуй, Командор!

Извини, что не написала сразу, как приехала — не до писем было. Мы, как вот Чапчик, с корабля — на бал, с поезда — в мастерские, дня не отбоялим. А так и пошло-поехало: ремонт, скоро покосима, работа по сорло. А домой приедешь — только бо до койки добраться. Сейчас вот тоже — спит все. А я решила написать.

Понимаешь, какое дело: все не выждет у меня из головы слова, какие ты мне тогда, на вокзале, сказала. Насчет того, что я смало-душичала и обжала. Напорца я тебе в тот раз вранцы сорвала, извини, дело-то пришлое. В общем, прав ты был. Ничего мне было, конечно, согласоваться с решением бюро и остаться. Должен был я, конечно, доучить ребят, раз уж взялся за это дело. Да ведь ты знаешь, как получилось: жили, работали, и тут на тебе — женщина врывается от края до края, романтика, трудности, плакаты — у кого же не засербило на сердце? Так и меня заглестнуло. А тут тебе бюро: не отпускать.

Вот я и взялась. А когда ты мне еще на вокзале поблабла при всех — при ребятах, при Наташке, — обидя взяла. А теперь вот все вспоминаю, как вы на нас всех смотрели, и чувствую: вам тоже хотелось бросить все и — айда! Да, я знаю: надо будет — тоже наизте, и не то что в Казахстан. И ты, и Мишка, и Наташка тоже. Так что извини за глупые слова.

Так я вот все это к чему веду, Командор. К тому, что если один раз так получишь, один раз смало-душичала, испугался бубней этих, обычной тебе работы, так второго раза не будет. Это я твердо тебе говорю, ты мне поверь, ребята очень верит. В общем, так: было мое место там, на заводе, а теперь оно здесь. Теперь я уже здесь нужен и здесь буду. Ты не думай, что здесь легче — здесь тоже не прикажым коряк, здесь тоже работа. Так что мы снова каждый на своем месте. Ты там на своем, Командор, а я на своем здесь.

Вот так. А теперь спать буду.

Крепко жму лапу.

Сергея.

Большинству придет всем нашим и в общественности, конечно, Мишке и Наташке. Ты Наташку бери, Командор. Я тебе вот еще что скажу; и о ней дело тоже. Понимаешь, никогда об этом не говорила да и писать не хотела. Ну, думаю, долго же было сворот, так тебе слово для — закон, а мое — так, лежки-лавожки? Ну что же, ничего тут не сделать.

Слушай, я написала сейчас это, а сама думаю: а может, все ернда мечет Наташка? Может, мне просто померещилось сдурить? Ну ладно. Как ты там, как ребята наши, как Ленинград?

Шестьдесят листки в руках Олега и Рима, по-том Олег вернул мне письма, залучиво пробор-молта.

— Командор... Кто его знает? Может, из наших, может, нет. И Сергея... У нас никого уехало на целину. А конверта не сохранилось? Хоть фамилию бы узнать.

— В том-то и дело.

— Там уж снег, наверно, — сказал Рима и поглядел в окно.

— Где?

— Да там, в Казахстане, — сказал он и повернулся ко мне. — Вот о чем напихив: как мы радиаторы делали.

— Правильно, — сказал Олег. — Впрочем вспомина. Это, значит, когда же было? Да не так давно.

...Это было в середине мая. По огромному заводу свободно разгуливал слово, отворяющее любые двери, прерывающее любые совещания,

слово, перед которым не имели силы даже полнаторные секретари в приемных. Это слово-наречье было «трактор». «Трактору» было «зеленая улица». График прокопчения деталей для «Кировца» красной полосой пересекала графики работы любого цеха.

Создавались опытные образцы: пять — для госиспытаний плюс один — для испытаний на разрыв плюс один — на выставку. По асфальтовому проспектам Кировского завода, по его улочкам и переулкам автомашин, электрокары везли к третьему цеху детали для двигателя, осястки, металы для кабины. Здесь, в механосборочном цехе, рождалась сердце будущего трактора — мотор, рождалась одежда его — кабина.

Третий цех отвечал, по существу, за все. Третий цех защищал честь завода. Потому что обычно машиностроительные заводы осваивают опытные образцы за три-четыре года, кировцы же обещали произвести все работы за один год.

Матчейком было слово «трактор». Все возможное делалось для того, чтобы на «зеленой улице» не вспыхивали красные светофоры. Но когда они все-таки загорались — ведь жить-есть жизнь! — тогда к слову «трактор» присоединялось слово «тревога». И тогда совершалось невозможное.

«Тревога» — боевой листок контрольного комсомольского поста.

Пятый цех задерживал детали — листок «Тревоги» появлялся на двери начальника цеха, и почти одновременно с ним на участки выдвигались технические патрули: комсорг, молодые инженеры, члены поста. От станка к станку по технологической шпите, от человека к человеку, — как опытный электрик «протестировал» поврежденную схему, так ребята искали «корень зла». И находили его. И принимали меры.

Тревога! Второй участок задерживает по штамповкой кабины — отжался пресс. И на коротком совещании прямо тут же, у прессы, принималось решение: не пять дней, а четыре смены — и ни каких больше на ремонт прессы. Хватается за голову начальник участка Николай Петрович Чулков.

Да невозможно это, ребята!

И оказывается, невозможно.

И вот пошлое время, когда несли красные стрелы графиков почти во всех цехах. Это находили детали «Кировца» сланы. Ослепленному злоключил и Олег Алексеев, и Рим Исаханов, и Вася Еримов: все было почти готово, еще неделя — и трактор начнет жечь. И вот тогда-то была самая большая тревога, тогда и доказано было еще раз, что «невозможно» — слово не для кировцев.

Пять радиаторов были забракованы, конструкция их оказалась негодной. Выяснись все это раньше — за месяц, за два, — все было бы просто. Но оставались всего неделя. Всего семь дней. И не было ни чертежей, ни технической документации. И тогда листок «Тревоги» появился на двери директора завода. Тогда делегаты контрольного поста третьего цеха пришли к конструктору молодого КБ. В святая святых — в чертежном зале, среди кулеманов — состоялся короткий разговор.

— Семь дней? — И по привычке мыслить графически один из молодых конструкторов написал на выданном листке: «Семь дней». — Мало.

— Его поправил, перерисовав сему.

— Не слы. Ты забыл, что нам еще делать радиаторы.

И на выданном появилось: «два».

— Два?

— Два. Хватит? — Наступило молчание, которое превратилось решительным «хватит».

— ...Ты понял, как ставился вопрос? Семь — мало, а два — хватит, вот как! — Олег Алексеев вздернула волосы и засмеялся. Видно было, что и ему и Риму, который сидел спокойно и время от времени поправлял Олега с обычной своей медлительностью, приятно вспомнить сейчас, как с «лохотата», по «теплым» чертам работал бригадой днюнко, сердившись сорбонник, как подтрунивали друг над другом, и это помогало бороться с усталостью. Точно в срок семь трактористов были закончены сборкой.

Пять — на госиспытания, — уточнил Рим. — Плюс один — на выставку, плюс один — на разрыв.

Сот страниц из жизни молодых кировцев. Она представляется на первый взгляд громкой «кампанией». Но если так же подробно расширять многочисленные проверки и рейды, о которых рассказали ребята и которые сжучо называются мероприятиями контрольно-комсомольского поста, не менее ярким оказался бы каждый эпизод, каждый рейд, каждая проверка — словом, каждое мероприятие, потому что все вместе — это каждодневная, непрерывающаяся борьба за «семь» — в пять!...

Рим стал называть все медленно, отчетливо, чтобы я не спугал, фамилии членов поста: Николай Смирнов, Алексей Шляпин, Василий Ефимов, Юрий Иванов, Владимир Рабинин, Иван Паршин, Анатолий Тишков...

А потом сказал:

— Дело не в том, уехал ты или остался. Дело в том, чтобы каждый на своем месте. Прав Командор. Он парень, видно, что надо. Наш, ленинградский. А может, и кировец!...

здесь выш... — мама родная — колени трясутся, и цепочка, которой мы страхеваем, такая, кажется, тонкая и ненадежная. Теперь прыжки вроде бы. Выбери мне комсоргочку, чтобы в общине, нехлопкая, и постык основной сложился.

Знаешь, я здесь очень остро почувствовала, что это значит — быть ленинградцем. С самого начала, еще когда в отделе кадров создавали ленинградцев — в общину бриллиант, пусть показывает класс. И еще недавно, когда разбирало одного парня за брак, товарищ его при всех в глаза ему тыкнул:

— Кто же ты, сукин сын такой, делаешь ты же ленинградца!

И по себе чувствуешь: другой рад и скатури бы, и отмазнулся, да разве марку портить — даже в самых мелочах, даже в самой ерунде.

Князьна Натюшка и всем.

Пуши, Командор, как в цехе, как вообще Ленинград!

Дима Алексеев бережно сложил письма и сказал, возвращая их мне:

— Такое ощущение, что я и Мишку, и Сергея, и Натюшку, и самого Командора ну вот так звал. Как будто я каждый день с ними встречаюсь. Как все время человек в письмах проговаривает! Впрочем, не в письмах — в жизни. Ах, черт! Такое чувство, что знаю я их, только фамилии из головы выскользнут. И как будто почерк даже знакомый.

— Он задумался, с сожалением покачал головой:

— Наш и на целине работает, и в Норильск уезжал по комсомольскому набору, и на село. И Натюшка, и Мишка, и Сергей среди них были, но те... Ну, ладно, ладно, покажу тебе фабрику.

Мы вышли из комитета комсомола на асфальт маленького опрятного дворика. Было сухо и солнечно, светила густая луна, и разномыслие парней дошло до шипения пара, короткие стукки: «Пролетарка-2» работала. «Пролетарка-2» шила гусарки для мальшей, красивые туфельки для первокурсниц, ботинки десятков фасонов, туфли летние, осенние, зимние, мужские и женские, бейсболки и на стройных шпильках. Дима Алексеев рассказывал о новых моделях, которые вот вот поступят в продажу, был с конвейера заготовки, объяснял наглядно тонкости обувного искусства.

— А сам в каких башмаках ходишь? В чешки, наверное?

Дима с размаху остановился, запырнул на одной ноге, и так сказал:

— Видишь, что написано? Наша фирма.

— Надев ботинок, скоро пошел дальше; был он невесом, быстро в лобах, жестях, походке, в смее выражений лица. Повернулся ко мне:

— Душаешь, я один? Так проверим. Знаю, зарастаешь! А ну, сними-ка туфлю!

Девушка удаленно на него посмотрела.

— Снимай, снимай, живи! Вот видишь: «Пролетарская коммуна № 2». Показывает! — И сам отворачивается.

И я согласился: хороший показатель.

Дима засмеялся удовлетворенно и откровенно признался:

— Показывает чем-нибудь хочешь. Чем был. Ага, вот!

И стал рассказывать. Я слушал и думал, что в Ленинграде мне определенно везет на хороших собеседников. Но я еще не знал, в чем секрет моего везения.

— А лучше вот о чем напиши... — перервал себя Дима. — Да, точно. О том, как мы осваивали фазон 122. Это началось...

— Это началось с разговора о резервах. А следовательно, с организации труда. Потому что в обувном деле, когда то и дело меняются фасоны и модели, нет ничего важнее той организации труда. Не планов пилворский дым влет стухом в комитете комсомола: здесь подальше больше количество бюро — девушки; не приходится стучать по графику: здесь умеют работать без лишнего шума.

— Давайте просидим весь процесс! Напишу ладно, дайте почитать, посмотрите на него, как... как! — Галя Бойкова, заместитель секретаря комитета комсомола, запнулась, подбрав слово.

Как баран на новые ворота, — подказал кто-то.

Все засмеялись.

— Тшше, девочки! Вот именно: как баран на

«16 января 1960 г.

Здравствуй, Командор!

Вот уже три месяца, как я в Норильске. Общался. Другой раз такое ощущение, что никакого Ленинграда вообще в моей жизни не было, что смятательная нормальность я Ленинградцев здесь много, намилась даже общие знакомые. В соседней бригаде работает Ленка Говорухин — не помнюсь ей! Рядом такой, здоровый парень. Рассказывал, как вместе с тобой проводил первый

большой рейд по Кировским островам. Это еще когда создавались первые отряды комсомольского патруля. Ты вел наших ребят, а он был начальником штаба политехнического института. А бригады — Сашка Протасовы — вы, естремисты как-то на бюро горкома, и ты еще рассказывал, как ориентирована у нас работа производственного сектора.

— Ты ведь я, как и раньше, сарказм. Только не велье, а на отметке 30, то есть на высоте тридцать четыре метра. Поначау, как

новые ворота. Именно это я и хотела сказать. И нечего смеяться, совсем не смешно. Мне кажется, оттого, что мы слишком привыкли ко всему, мы может быть, что-то пропускаем. Нужно посмотреть новыми глазами на каждую операцию, с самого начала.

— В конце смены к Виктору Кулигину подошла кто-то совсем как Гаяль Абрамевича и Дима Алексеев.

— Ты что вечером делаешь?
— Пока не знаю. А что?
— Такое дело. Скоро переходим на фазон 122. И вот решили, чтобы не терять времени на основные операции, устроить как бы тренировку — на опытный участок, поизвещишь?
— Начиню поемному.
— Но если у тебя вечером как-нибудь важные дела...
— Не тема. Что нужно? Остаюсь? Ясно. Можешь не уговаривать, сам понимаю, что мне это прежде всего нужно.
— Нам всем.
— Ясно, нам всем.

Примерно такой же разговор состоялся и у шпин-аппарата, за которым работал Толя Егоров, и у фрезерного станка Любы Тачиной. Не везде было гладко. В одном месте в ответ услышали:

— Я не обман. Я законил туто знаю: сень часов — с приемом. Кому нужно, тот пусть остается.

Но вечером, на опытном участке, где повторялся в миниатюре технологическая схема, по которой будет идти фазон 122, Дима увидел этого парня. Он стоял за своей машиной, морщил лоб, сооружая что-то, следил за лопинки пальцами Иды Горбань, показывавшей, как быстрее произвести операцию.

— Остаются все-таки? Ты же законы знаешь?
— Идла, не мешай! — За утренюю наשמелнсть Дима увидел смущение и подумал, что этот парень сегодня узнал еще один закон, по которому рабочий должен сдаваться шероховатости, и принял этот закон.

А спустя некоторое время в комитете комсомола раздался телефонный звонок. Говорил комсор соседней фабрики:

— Правда, что вы ни одного дня не потеряли на новой модели? Приеду — покажете?
— Приезжай, мы не жадные...
Дима помолчал, потом добавил:
— Вот про это, значить, и расскажи. Пусть знают, что и мы марку держим.

Да, так и было. Рассказывали не мне — отвечал друзьям Командора. Говорил от имени самого Командора. В этом я еще раз убедился на Металлическом заводе имени ХХI съезда, когда в просторной комнате комитета комсомола Виктор Волков, не обращая внимания на шум и телефонные звонки, дочитывал третье письмо: от Натальи.

«3 сентября 1961 г.

Здравствуй, родной!

Я думаю, у меня будет время ознакомиться, обобщить, привыкнуть хоть немного к тому, что я секретарь райкома. Но времени не было. Сегодня утром ко мне пришли трое ребят из колхоза «Красный партизан» и рас-

— Кто знает?
— Ну, Сергея на целине и Мишка в своем Норильске, все... Пусть знают, что мы тут тоже не зря живем.
«Так вот в чем дело», — подумал я. — Вот в чем секрет моего везения!»

сказали о лучшей ферме, на которую в районе призывают равняться, на опыте которой учатся, а на деле эта ферма — просто липа, показуша. Второй год история таится. Ребята ходили в райком комсомола — прежний секретарь отмахнулся, в райсплокоме — тоже: кому охота отказываться от «мяска»? Теперь они пришли ко мне и сказали: «Ты Ленинградка, помоги!» Что делать, Командор? Закрыть глаза? Но этот «мясок» учит самому мерзкому оковитчатству, опашает все правильные фразы о контроле, о переобучении, о сознательности. Выступать против него? А какую работу брать, если с самого начала настроишь против себя и правление колхоза и парткома? Посоветуй, Командор!.

е было ни моря, ни штора, ни кораблей. Далеко за удальной шпалдой не было. Был большой зал, а посреди него — круглое металлическое сооружение, напоминающее цистерну: оно и есть мой опыт.

Прежде чем ступить туда, нужно хорошо выслушать, не нервничать накануне и, если вчера был какой-нибудь увальнический повод выпить

узором. Они ничем не отличаются один от другого. Значит, все хорошо, испытатель в полном порядке. Теперь товарищи водолазы — Николай Белов и Александр Шкиль, — вчера съездившие на этом же стуле, натягивают на Виталия толстый свитер из вербовской шерсти, поверх него меховой жилет и еще один такой же свитер, а затем гидромониторизон из прочнейшей резины.

В камере Курочинсу надевают на

— Белов — и подаче воздуха. Карпаченно — на пульт подачи газовых смесей, Шкиль — на телефон по измерениям. Приготовиться к стпуску. Телефон долился из камеры:
— К стпуску готовы.
— Дать воздух в камеру.
В зале снова запустили на полную мощность свои двигатели реактивный самолет.
— Гаубина — 10 минут. Гаубина —

дерните. Только я пойду вместе с вами. Меня не обманки ни в какие доспехи. Лишь посоветовали:
— Снимите часики, выньте авторучку, спички, все хрупкое.
Кто-то скомандовал: «Приготовиться и стпуску!» Локм шло закрылись. Телефон створил, все ли у нас в порядке, и предупредил: «Начинаем стпуск».

В уши сначала будто вставили ва-

ОДИН С ОКЕАНОМ

роуму вина, пить только лимонад. Киприги бесповоротно утром допотопные врачи и приборы все равно разберут тебя по косточкам и ливотчан и узнают все. Да и хитрить-то с кем? С самим собой! Вот, кандидат водолаз, собирающийся идти на глубины, очень хорошо знает немалое количество вещей, которые ему предстоит увидеть.

В фазоне с первых походов во вселенную есть кадры, снятые перед стартом: врачи наклеивают на тело исследователя металлические пластины, от которых твисты тоненькие нити не падают. Потом, во время раската, по ним бегут сигналы, раснастраиваются на них приборы и экраны пилонных других вещей. Такого же оплацию сейчас, переключают с Виталием Курочинсом. Сегодня ему идти не в космос — на глубину, куда добыть оттуда новые данные для науки.

Внимательно, не торопясь, подолку над водолазом врача. Каждый его вход и каждый удар сердца ложатся на бесконечной длине извлекатель

ноги металлические бахилы, весищие по полпуду, на голову шлем, за спину груз, баллоны с газовой смесью. Парень весит теперь, без малого двести килограммов. Недолго выстоять в таком доспехе, начини бы ни был батырцем. А дел еще много нужно проделать: надо проверить все приборы, хорошо ли заминичены все районы. Водолазы подвешивают и крепят на рамы — металлическую раму, приваренную и шлему, и продолжают «оборудовать» его.

Наконец обрета одевания закончен. Все в порядке. Испытатель готов и стпуску. Рядом с ним в камере пойдет на глубину Гавриля Капигин, один из самых опытных водолазов. Он тоже обременен датчиками, снайбом баллонами с газовой смесью. Капигин идет обеспечивающий: если Виталию понадобится срочная помощь, Гавриля тут же окажет ее товарищу.

Забравен лям, включен телефон, оборудована система подачи воздуха. И глазку иллюминатора приникли руководить работ.

20 метров, — следуют сообщения.
— Самочувствие хорошее, — докладывает по телефону Курочинс.
— Гаубина — 30 метров.
— Самочувствие хорошее.
Стрелка манометра уние перескочила за цифру «10». На изрядный извлекатель санитари испытатели навалился сейчас груз в 10 килограммов. А стрелка бегит все дальше. Капигин, скоро не выдержит и стана, не говоря уние о тончайших ственках человеческого тела.

Смотрю в иллюминатор: Виталий в одиночку ступил по грузу в воде. Капигин увидел меду, улыбается. Провел ладонью по лбу и повинуев ее и стелуду, рука бегит от пота, словно побывала в яндоном масле. Да, сейчас там больше 60° по Цельсию.

Стпуск продолжается.

...Вчера я сам побывала в этой камере. Врач долго отшучивался, боялся по поводу моей далекой от батырской компетенции, потом намерил пульс, давление и поставил диагностический прибор.
— Без привычки метров десять вы-

Впрочем, правный вопрос. Платить он тебе придет лишь через неделю, а решать можно сейчас, не откладывая. И я решил. Я собрал сегодня ребят: а ты, и Сергея, и Мишка — все вы сегодня со мной, в моей комнате. Будете со мной, советуете мне, и я слушаю вас, рабочие мои. И я знаю, как я решу, и вам не будет за меня стыдно.

Крепко тебя целую,

Наталья.

Как твои дела, Командор?

Виктор помолчал, глядя на письма, потом бережно сложил их и сказал:

— Не надеюсь ты его, слишком много данных... Случай, а может, это не так и важно? Что из того, что ты не знаешь, на какой улице он живет и на каком заводе работает? Он на любой улице и на любом заводе. Хочешь, я покамолю тебя с десятком таксистов, как оп?

Он снова задумчиво потер подбородок.

— Вот о чем вапшню... Только отобрать сначала, что история эта еще не закончена...

— Да, у этой истории еще нет конца. А начавшая она около года назад, когда на завод пришло указание совнархоза: перенести восемь токарных станков на программное управление. О станках с программным управлением много слышал, много читал. И вот дождался. Восемь токарных станков были сняты с работы и отлажены для пересоборования. Сейчас уже подсчитано: 3 450 часов было отработано сверхурочно. Но тогда не думали о затратах, тогда знали — все скрутишь!

А спустя некоторое время к вожаку «Комсомольского проектора» Володе Матвееву пришел ребята на 16-го цеха во главе с комсоргом Сергей Бурдюкович.

— Так как же получается: работать работали, а станки?

— Что станки?

— Ребята? А законсервированы!

Ребята получили «авторитетный» ответ — официальный:

— Использовать эти станки — значит нарушить компактно-узловой принцип планирования производства, по которому мы работаем.

И дружелюбн: «Блиде ли, выгода от использования этих станков — увеличилась ли тебе? Впрочем, чем ты недовольна? За освоение новой техники вам заплачено, сверхурочные — тоже...»

— Да разве мы из-за денег работаем?!

Столкнулся два мнения. Кто из них? Нет, «проектористы» не рубили сплеча. Технически аргументированному мнению администрации завода они противопоставили данные не менее убедительные. Они вывели спор на суд всего коллектива. «Судите сами» — так называлось большое листов «Комсомольского проектора», посвященный использованию станков с программным управлением. И те, кто подхалил к витрине, боясь увидеть лик разрушающих бюрократов или бракоделов, выявленных очередным рейдом, с удивлением видели другое: надвое разделенный лист, на левой половине под крупным «За!» перечислялись достоинства использования станков, на правой — «Против!» — выжимание начальника производства завода Н. И. Лебедева о том, что «компактно-узловой принцип планирования, разработанный ЦИПТОТехническим, оправдал себя на практике, мы не думаем от него отказываться...»

А еще спустя некоторое время Володя Матвеев от имени «проектористов» завода докладывал о безобразном использовании станков с программным управлением у председателя Ленинградского совнархоза...

— Да, пока не кончена эта история, — сказал Виктор Болжов — Но мы будем бороться. Понимаешь, отступим мы от этого дела — и в будущем кто-то сдержет себя, махнув рукой на прошедшую смелую мысль, кто-то не станет изобретать то, что мог бы. Наталья права: бороться нужно и за чистоту наших побед, а не за подтверждение делами. И наша борьба за использование этих станков — это гарантия, что ни одно доброе начинание не будет положено под ковер или брошено борщевиком. А это же очень важно! И нельзя сказать, что это экономический эффект, только сегодняшним днем. Так что, как видишь, вся эта история не так уж и далека от движения «Семь — в пять!»...

Я стоял на платформе станции «Ленинград-го-

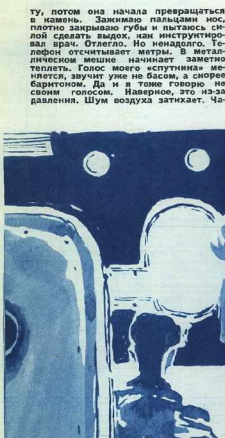
варья». Дали выверенно тяжелому составу, и понеслись мимо, набрав скорость, четырехосные грузовики, залезшие на открытые платформы арко-венных тракторов, запертых там, где там какие-то фермы, понеслись, как снаряды, станины станков, зачастили высокие конвейеры. А крутом подступу города, курьезы трубы на фоне заката, туче туч далеко, был Кировский завод — мне казалось, что я слышу его низкий гул; в другой стороне — Адмиралтейский, «Светлана», «Русский дизель», «Пролетарка-2», «Металлестрой», «Красный переборщик» и многие другие, на которых я и не успел побывать, но знаю: и их продукция увозят сейчас эти составы, и их продукция лежит сейчас в трехах судов, выходящих на Ленинградского порта, и, наверное, на каждом двадцатом вагоне, на каждом двадцатом станке моего бы стоять рядом с фирменным знаком: «Сделано комсомольцами сверх плана». И каждая такая деталь, каждый станок, каждая пара ботинок — это ответ другим Командора от имени Командора. Это ответ тех, кто остался, тем, кто уехал. Ответ друзей перед друзьями, перед партией, перед всей страной.

А таско-к северу, в красных осенних садах, заклатное солнце итало в зарпучьях двора. Пролейт немного времени — и залетел над его входом: «Привет участникам городской комсомольской конференции!» — и с трибуны секретаря горкома.

— Есть семь — в пять!

От имени и по поручению совете, тысяча сильных, красивых, чистых ребят и девушек с Петроградской стороны, с Ленинградского, с Кировского острова, с Московского проспекта, каждый из которых на своем месте, каждый из которых — ленинградец, каждый из которых умеет неслабожно сделать возможным, как ребята с Кировского, умеет по-новому взглянуть на знакомое дело, как молодые обувники «Пролетарка-2», каждый из которых, как «проектористы» Металлестройского, умеет считать от будущего...

Да, я не знаю, кто из них, кто из них могу назвать его имя, фамилию, адрес и место работы. А впрочем, в этом ли суть дела? Адрес не известен? Известен: Ленинград. Имя не известно? Известно: Ленинград. Гордом име.

ту, потом она начала превращаться в чашечку. Заворачиваясь, она плотно закрывала губы и пыталась силой сделать выдох, как инструкторовал врач. Опахло. Но не пахло. Телефон отсчитывает метры. В металлической мембране нарастает затвонное тепло. Голос моего слушателя не меняется, звучит уже не басом, а скорее баритоном. Да и я тоже горю не своим гонимом. Наверное, это из-за давешней. Шум воздуха затихает. Часов не было, поэтому не знаю, сколько стояли мы на «ворском дне». Очевидно, минут пятнадцать, не больше. Снова замигнуло. Значит, начали «входить на поверхность». В камере повис являлся туманный занавес. Точно такой, какой помечет сибирскими вешером над рекой. Да и похолодало так, словно перенесли тебя из лета в осень.

Когда засперенные окончились, водолазы шумно подтапливали меня со-

ступлением в их добрую семью.

— Да что случилось бы со мной на большей глубине? — спросил я испытательно.

Если бы и дальше дышали воздухом, а не специальной смесью, то смысла появления на поверхности признание опьянения. Роль алкоголя на глубине играет аэоз. На шестидесяти метрах мы услышали бы ваши любимые песни и арин.

Александр Шварц — всевозможных с новичками. А те, двое, что находится сейчас в гидроиспытательной камере, прошли через моря, озера и рен не один десяток километров, в том числе и на глубине отнюдь не сотни садов. Профессия испытателя испытывает прежде всего само человека. Самые опытные, самых смелых и самых выносливых водолазов — это люди, которые работают в шахтах, Николай Белов, Гавриил Клычков, Александр Шварц — всевозможных этих людей. Первые не только по швам и венева качества. Каждый из этих троих имеет по авторскому изобретению свой аппарат. Самый самобытный взгляд в развитии сложного промышленного снаряжения и новой изобретательной техники.

И тем, что теперь любой водолаз может сплоскнуться один на один с океаном все больше и больше времени, что, ясного для себя, они отвечают лишние минуты для работы, они обязаны пловцам, медушам и незнакомцам.

«Глубина» на газе растет. Испытатели давно дышат специальной газовой смесью. Телефон по-прежнему сообщает два сплоскнутых слова: «мочушество хороше». Только голос становится тише, будто кто-то тоже уходит в глубины. Книжки светятся на стенах, как звезды. Индикатор, достает платок, поднимает его перед собой, и снова флюином, зажжонкает пальцем. Платок медленно будет обсебле, опускается вниз.

Спустя несколько минут уже приступит к работе.

Спуск продолжался считанные ми-

нуты. Теперь Курочкин в течение часа будет орудовать 20-метровым свинцово-болонной, припенной и стальным трубой. Работа нехитрая. Но здесь, под страшным давлением, человек будет расколотый стонками эрности, может по-новому взглянуть на знакомое дело, как молодые обувники «Пролетарка-2», каждый из которых, как «проектористы» Металлестройского, умеет считать от будущего...

Да, я не знаю, кто из них, кто из них могу назвать его имя, фамилию, адрес и место работы. А впрочем, в этом ли суть дела? Адрес не известен? Известен: Ленинград. Имя не известно? Известно: Ленинград. Гордом име.

Вспрыгнув на камеру, собака легла на пол, подождала, когда ей снова стало тепло, тут же послышался шум воды, человек, сделала несколько шагов и вдруг резко свалилась назад, заносить в сторону. Женщина быстрая и сильная, она была в форме полигона в камеру, быстро зарядила минотурный лод и подняла давление в камере до 10 атмосфер.

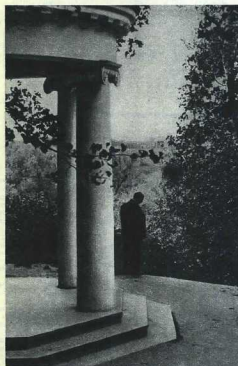
Странный, невинный и красивый ветер доверия будет лететь по камере, как будто кто-то хочет стелать сниматься. Потом Малюток подумит неведный «отпуск». А другие, которые были в камере, будут снимки продвигать испытание.

И. ЦИГАНОВ

Эта девушка, как и тридцать других учениц Льва Волковського, постигает тонкую и умную профессию электромонтажницы.

Горки, Трелет, благоговение, раздумья — вот чувства, которые овладевают актером, когда он ступает по этой аллее.

СОСНАМИ И ДЕРЕВЬЯМИ РОЛЬ

Е. ДОЛГИНА

ФОТО В. ТЮККЕЛЯ

На сцене Московского театра имени Станиславского и Немировича-Данченко шел спектакль самостоятельного коллектива станцестроительного завода имени Брэдсона-Киде. Играли «Егор Булычев». Спектакль шел ровно, хорошо, что называется, добротно. Но как бы ни были высоки успехи самостоятельности, зрители непременно ощущают ту незримую, но всегда существующую грань между любительством и профессиональным искусством. Эта грань прорвала, когда на сцене появился Егор Булычев. Спектакль оживил. Зрители увидели живого горьковского героя. В такие моменты мы забываем о сцене: своими мыслями и чувствами мы участвуем в действии. Это чудо соперничания происходило всякий раз, когда на сцене появлялся Егор Булычев.

Исполнитель этой роли не был профессиональным актером. Его играл мастер завода Лев Волковский. Такой была первая встреча с человеком, о котором мы хотим рассказать. Семнадцатилетним парнем Лев пришел на завод. Здесь он получил специальность электрика. Здесь впервые заинтересовался театром. Эту первую, еще робкую любовь и сцене заметил руководитель заводского драматического коллектива С. С. Князев. И это «первое чувство» решило дальнейшую судьбу Льва Волковского.

С тех пор прошло пятнадцать лет. В жизни Льва Волковского произошло за эти годы множество событий: армия, цехина, снова родной завод, учение в техникуме без отрыва от производства. Теперь он мастер

учебно-производственного цеха. Каждый день к нему приходит тридцать школьников. Здесь, в цехе, под руководством Льва Волковского они проходят свой рабочий университет. Там каждый день. А вечером выступает в своем правде искусство. Для Льва Волковского это увлечение настолько серьезно, что можно говорить о второй профессии.

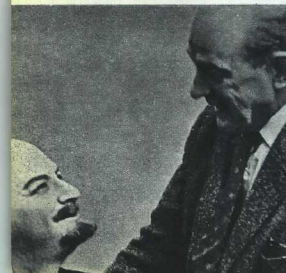
Мы не будем рассказывать о всех ролях, сыгранных за это время Львом Волковским. О достоинствах и недостатках этих работ говорили шефы драмкружков — артисты театра имени Станиславского и Немировича-Данченко. Хотелось сказать лишь о самой главной работе Волковского — образе Ленина.

Весной 1958 года режиссер предложил ему подготовить сцену встречи Ленина с

Лучшие создатели образа Ленина — Шукшн, Штраух, Смирнов — своим успехами во многом обязаны искусству гримера А. И. Анджиана.

«Застольная репетиция» — первый и самый ответственный этап работы над спектаклем.

Много умного и нужного в работе над образом дали актеру советы старейшего мастера театра Б. Захаря.

Л. Волковский в роли
В. И. Ленина.

иностранным журналистом из львыи Н. Погодина «Кремлевские курьезы». День за днем, неделя за неделей шла эта необыкновенно трудная работа. И вот когда отрывок казался готовым, его просмотрел режиссер П. С. Златогоров. Он смотрел очень внимательно и сказал всего лишь одну фразу:

— Все это никуда не годится, но продумать работу можно и нужно. С этого момента и начался для Волковского настоящий актерский труд. Горы книг, музеи, хроника, гранжались фильмы с участием Щукина и Штрауха — это всего лишь подступы к великому образу. Шла бесконечная погоня интонации, жеста, мимики. Нам недостаточно оказалось внешнего сходства, которое, быть может, вначале и привело и решению взяться за эту роль! Главная трудность заключалась в том, чтобы как можно убедительнее донести до зрителя великую ленинскую мысль.

Работа эта требовала максимальной отдачи творческих сил, энергии.

— Для меня, — говорит Волковский, — эта работа стала критическим пересмотром собственной личности, своего рода нравственным совершенствованием. Искто по-новому, более глубоко начинаешь осознавать великие идеи коммунизма.

Снова книги, воспоминания, встречи с людьми, знавшими Ильича, долгие часы в музее В. И. Ленина, в Горьком, и раздумья над трудным вождя. В книгах его — мысль и темперамент этого великого человека.

И, наконец, премьеры. Стоит ли говорить о волнении этого дня? Знает это только сам актер. Спектакль был прекрасно принят зрителем. Коллектив играл «Кремлевские курьезы» много раз в Москве, в Киеве, в Одессе. Но для Льва Волковского самой большой наградой был день, когда сплелись показывали группе старых большевиков, многие из которых знали Ильича лично. Тогда занавес закрылся и отлучились аплодисменты, поднялась старая женщина и, обращаясь к залу, возмужно сказала:

— Вы видели? Сейчас перед вами был Ленин.

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

Юрий КАЛЕЩУК

Самолет как в самолете: гудят моторы, стюардесса разносит леденцы и пакеты для авторучки. Стюардесса тоже как раз такая, о каких писали тысячу раз,—тоненькая, словно нацеленная в зенит копья, в комбинете пригнанном сереньком костюмчике. Она привычно смеялась по поводу, одаряя всех неземной улыбкой. Но все же, когда она пододвиг ко мне, я долго смотрю ей в глаза. Она терпеливо ждет, пока я выбираю на подносе мясную конфету, и уходит, глядя поверх меня. А моторы режут, и кончатся толчки под ногami, мы отрываемся от земли, мы летим, и приходит странное ощущение, странное ожидание, как тогда, в главном университетском здании на бульваре Райниса в Риге, в день нашего распределения...

На комиссию она шла второй или даже первой. Каждый знает, что такое идти на комиссию по распределению второй или первой. У Светки не

было сессии, чтобы она не вытязывала на повзвешенную стипендию, каждую зиму научное студенческое общество посылало ее в другие вузы с докладами, ее уроки в школе на педагогической практике ставили в пример всему курсу. Она специализировалась на поэзии Блока, а блокведов было немало у нас на факультете. При этом имени Аликса всегда начинала подвывать, хочона и гримасничала: «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем». Но все мы смолкли, когда Светка, откинувшись на спинку кресла, говорила медленно и тихо, будто бы одной себе: «Она пришла с мороза, раскрасневшаяся, наполнила комнату ароматом воздуха...» — и мы шевельли губами и повторяли за ней, пока не прозвучат последние строчки: «Я рассердился больше всего на то, что ценовался на мнe, а губами, и что прошил аренона Паоло и Франческо...»

И все-таки мы не любили Светку. Она всегда куда-то спешила. Когда мы просили ее поиграть на вечерне Шопена, она ссылалась на то, что то-

ропится к репериторию по английскому, или по французскому, или еще какому-нибудь языку; когда мы собирались вместе и читали стихи, она отговаривалась тем, что «второй раз» — да, но сегодня в филармонию та-а-кая программа... и мы чувствовали себя круглыми идиотами, что вот собирались читать какие-то там стихи, а в филармонии такая программа...

— Минуточку внимания! — пропела стюардесса. — Наш самолет «ИЛ-18» отдельной Латвийской авиагруппы выполняет рейс...

Девушка сообщила, что полетим мы на высоте 7 тысяч метров, что температура за бортом минус 45 градусов — перень в яркой короткой рубашке, сидящий впереди меня, машинально пожилась, — что индивидуальные вентиляторы начинают работать на высоте 300 метров, и принялась разносить газеты и журналы.

Нет, не то чтобы мы не любили Светку. Просто мы знали: никто из нас для нее не существует, — и она тоже постепенно переставала существовать для нас. Но когда она, растерянная, вышла из зала, где заседала комиссия, мы все бросились к ней, недоумевая, сочувствуя и все равно ничего не понимая. Светка сделала равнодушное лицо и сказала:

— Вот, получила милое назначение — в Сигулду. Стою пять лет училась...

— Куда? — переспросил Аликса. — В Сигулду? Не смешно, Светка. Это же менталь! Это же чудогород, пятьдесят километров от Риги.

— Что ты, — это ты понимаешь! — унытожающе посмотрела на него Светка.

— Обратите ваше внимание! — сказала стюардесса. — Сейчас мы пролетаем город Велпине Луцес...

Перень в короткой рубашке завертел головой и хихикнул.

— Э-э, девушка, да тут ничего не видно! Распорядитесь дать завтрак.

— Мы летим на высоте 8 500 метров, — металлическим голосом вещала стюардесса. — Под нами плотная облачность.

— А скважита? — завопилась перень.

Но стюардесса перебила его.

— Вам фруктовой воды? Минеральной? Кофе? Перень замолчал, а она поискала глазами свободное место и опустилась в кресло рядом со мной, раскрыв небольшую книжку.

После распределения я уехал на целину. Сначала в получал аноним письмо из Риги, потом меньше и меньше, потом вообще перестала поступать. Наверное, это было закономерно: в суматохе дел я и сам редко о ком-либо вспоминаю. Но однажды один долгий думал о Светке.

Случилось это в сентябре, во время поездки по Баранкульскому району. В быстро наступившей темноте я возвращался к выходящему виду «газку», в котором мы колесили по району, и внезапно стал свидетелем этого разговора.

У «газика» стояли двое: долговязый Володя Мельников, комсорг управления, — с ним вместе мы ехали, — и невысокий плотный перень с самоуверенным лицом, какие бывают у людей, которые все умеют. Он что-то рассказывал Володе подчеркнуто синхронизированным тоном, и мне казалось, что в каждом его слове звучит самодовольный реверен: «Смотрите, как я могу!» Неприятное чувство мешало мне задуматься в его слова, и сначала я воспринимала их автоматически.

— О моем приезде все заранее узнали. Прихожу на факультет, а там уже громадный плакат: «Внимание! Внимание!» Сегодня состоится встреча со знаменитым Виктором Харламовым — преподавателем древней и современной истории, химии, геометрии Эвклида и Лобачевского, пеня и радиоэлектроник, русского, английского и иро-каского языков... А девчонка встретила меня на лестнице и спрашивает осторожно: «Виктор Алексеевич, это правда, что вы физику преподавать? Да», — говорю, «И рисование? И рисование тоже». Старик совсем ошалел.

— А что, все эти вещи ты действительно... того?

— И ты уже не веришь? Не все, конечно. Но само понимаешь, союзок новый, школа только-только возникла, учитель-вулканский до нас, как-то не все доскелам. Обычное дело, глущь ведь... У меня диплом историка. Сам понимаешь, еще русский и литературу я могу туда-сюда. Ну, там английский... А пришлось вести и немецкий, и физику, и химию, и геометрию.

Кажется, именно здесь я впервые пригнулся к их разговору, вспомнил вдруг Светку, день рас-

Рисунок А. НИКОЛАЕВОЙ

предления и подумал, что тогда она зря захандрила. Наверное, это быстро прошло, и сейчас она там, в своей Сигуде, и все ее любит, потому что она много знает, много умеет / у нее же были лучшие на курсе уроки во время педагогической практики.

— В Москве 26 градусов,— объявила стюардесса.— Через полчаса прибываем в аэропорт Шереметьево.

— Да, так что же было дальше?— спросил Мельников у Харламова.— Ты немного отвлекся. Дальше? Дальше. Дальше было совсем бездарно. Она уехала...

Харламов приехал сценно в новую школу. Было много работы, но он знал, что тут будет, и не боялся этого. Он неумолимо ставил короткие и категоричные письма в Горький— в университеты, в школу, учителя. И оттуда приходили посланки. Присылали учебники, тетради, книги. Один раз прислали даже значок пионера. Пришлось вести не только историю, но зато он тоже не боялся и к этому, пожалуй, был готов. Его всегда интересовали вещи, выходящие за пределы семинаров. Самое страшное началось позднее, когда на протяжении нескольких дней слышался какой-то странный, много времени для размывлений.

Он боялся остаться без дела. Он привык говорить стихи, восемь, десять уроков по 45 минут— это время горюло, и когда оставался один, не знал, куда себя деть.

Тогда и приехал Лося. Нет, об этом нельзя говорить так нейтрально. Об этом надо говорить стихами: «Она пришла с мороза, раскрасневшаяся, напихнула комочку вратарю, воздуха...» Конечно, но только Виктор заметил ее приезд. Совхоз молодых, ребята молодые, а красивых девочек немного. Лося не была красивой, нет, красивой ее не называли. Но она умела слушать. Как бы важно и серьезно слушала. Чер волосами, тонко нежно было говорить. Обо всем! Об истории и об архитектуре. Лося была строителем. Нормировщик, а потом мастером. В совхозе полюбил ее сразу и вслед гледали так ласково, как смотрят со стороны на свое детство.

Она любила Надсона, а он его терпеть не мог, но все равно с ней страшно интересно было говорить. Даже о Донцове, в котором он никогда не видел ничего, что могло бы его заинтересовать Горького, но она своей горой любила и все время вспоминала его.

А кончилось все бездарно. Совершенно бездарно. Когда Виктор вернулся после поездки на совещание в Целиноград, он нашел дома записку: «Какже, я делю самую большую глупость в своей жизни, потому что не знаю, кто вы. Это же жить, поим, Виктор. Поим и прости. Лося».

— Прямой стих,— сказал Харламов, криво усмехаясь.— Поминки, как это кончилось у Блока: «Я люблю и мучаю все, что на свете, и не знаю, как назвать мне, а голуби, и что прошли времена Паоло и Франческо...». Так, что ли, Мельников?

Мельников молчал. Конечно, как комсорг управления, он знал, что надо сказать, но как-то не мог этого сказать.

— Да поймай ты,— снова заговорил Харламов.— Не на нее я в обиде, пусть так. Но я же знаю, что она уезжала, я возненавидел все эти знания, физик, математик. Я же историю в конце концов! Не это это дело. Где нестесненные математики, филологи, физикоматериалы! Где! Пишут кандидатские диссертации! Работают учителями в родных городах! Хорошо, если бы так. Но я же знаю, что она что-то устроилась в библиотекарню, вагоновожатый и даже официантка, как будто для того, чтобы подать пару бифштексов и пива, надо обязательно знать французскую литературу или теорию дифференциальных счетов...

И снова подумал о Светке. Я подумал о том, что в своей школе она смогла бы вести и пение, и литературу, и несколько иностранных, и историю. Она ведь умница. Наверняка она уже организовала школьный драмкружок, возмужал ребят в Ригу в филармонию: сегодня там те-какая программа...

— Это я сейчас так все спокойно говорю,— продолжал Харламов.— А тогда... Тогда была весна. Шли экзамены. Виктор довольно равнодушно слушал от директора выговор за срыв уроков и думал только об одном: «Скорей бы кончить. Экзамены, экзамены, экзамены!» А там, конечно, у учителей длинные отпуска. Два месяца дома. Целых два месяца в Горьком...

Когда вечером к нему пришел секретарь совхозной партганизации, Виктор подумал, что опять будет наказать, но секретарь заговорил по-чужому-то о комсорге, который— представлял— уехал. Виктор не сразу узнал, к чему клонит секретарь. Скоро уборки, понимаешь, самое горькое время в жизни совхозной артели... А он думал о Горьком и еще поему-то о Донцове.

Уходя, секретарь напомнил Виктору: «Итак,

услуги! Восемьдесят комсомольцев». Должность комсорга у нас несовбодоживная».

— Что вы читаете?— спрашивает любопытный парень в пестрой рубашке, перевалившись через спинку кровати.

— Стюардесса медленно поднимает глаза от книги и закрывает ее.

— Вряд ли вам будет интересно.

— Блок,— читает парень, изогнувшись шею.— Нет, отчего же? Это вечера и даже рестораны... Стюардесса морщится.

— Не нравятся? Тогда можно другое, как...

— Да, так вот ребята,— в полной темноте слышался голос Харламова.— И что их на свете держит! Ничего и никого у них здесь нет. Но ведь работать здесь можно, разве не так? Вот тебе, юбилар—тракторист Ваня Лихчев. Приехал к нему, а у него несколько суток из-за рычагов не вылезал, зарос волос и черной, один зуб блестит. Сместся. И спрашивает: «Какое государство? «Девятое». «Девятое? Э-э, так у меня ж юбилей—год, как в совхозе работаю!» А Володяке Лепешко, комбайнер! Бросил школу, на самом сослался, а теперь берет, учебники выстраивает.

Уборка— это же столько хлопот! Шесть бригад, всегда побывать нужно. Во второй неважная столешка—падает весь в дыры. В пятой нет прижима. Это тебе не квадрат гипотенузы, который твердо равен сумме квадратов двух катетов, и не битва при Ватерлоо, которая обязательно состоялась в 1815 году.

— А как с ремонтом техники?— спрашивает Мельников.

— Пока бездарно.

— Смотри,— предупреждает комсорг управления.

Самолет прошу лопнуть на посадку и заскользи по бетону.

— Шереметьево,— пропела стюардесса.— Прошу всех остаться на месте. Выходить из самолета можно только при полной остановке моторов.

Парень в пестрой рубашке развернул комочку палку с металлической застёжкой и углубился в какие-то бумаги. Его не узнать. Он ведь уже не пассажир.

Поднимает трап. Стюардесса стоит у двери и улыбается всем, кто проходит мимо нее.

— Здравствуй, Света!— говорю я.

— Здравствуй!— говорит она и отворачивается.

ИЗ ВАШЕЙ КОМАНДЫ «СМЕНЫ»

Первое знакомство было закончено. В Федерации футбола СССР и ЦСФР и в Федерации хоккея на льду высланы листы команд, добившихся права выступать в высшей лиге. Среди них выделены Кубки СССР и Кубки Федерации коллективов физической культуры.

—Днепротеррорсы, спортивный клуб «Колос» в Железнодорожном районе фамилий. Много ли можно узнать из сухих анкетных данных? Фамилии, инициалы в графе «профессия» записаны, учащийся ременского училища, тогдашняя школа находилась в соседнем на другой грабеф год рождения. Она находилась у него в двенадцати километрах от этих ребят: мет еще и двадцати. Среди четырех команд-финалистов «Метеоро» была команда «Смены».

Когда в Инголаеве, где проходил чемпионат, началось соревнование днепропетровчан, их тренер, мастер спорта Евгений Александров Гунин (бывший игрок футбола, вероятно, хорошо помнит его по выступлениям в кубийской команде «Иртыш») рассказал: «У нас в городе много опытных футболистов, но не было ни одного таланта. Мы могли бы укомплектовать из них хорошую команду, и не надо было бежать стаянку на молодость».

Вы бы поостерегли, как левит они канители слово на тренировках... Ребята не совсем ценное качество каждого футболиста.

Нелегким был путь днепропетровчан к финалу. Путь через тысячу километров, потому что борьба за почетный титул, на котором уже выстроены все свои победы, велась в провинциальном Кубон города, потом обидно, «запрещенный» финал Кубки Украины здесь же, в Инголаеве, с местным «Горпедом».

— Мы едем в Москву на стадион. Предстоит последняя тренировка перед игрой с командой из Украины «Иретири». Прислушиваясь к его говорит ребята. Ни слова о футболе. Старательно обходят эту тему. Слышали от старших— надо тренироваться, надо выигрывать, надо выигрывать. Разговор вертится вокруг рывков лавин, бурных выходов, зонирования, нездариваемого рыболова. И каждый старается сказать что-нибудь полезное, развеселить товарищей. В автобусе царит атмосфера предельного напряжения. Сказал он: «Топи, садись, я постою. Мне завтра не играть!»— говорит.

До сих пор я не называл ни одной

фамилии футболистов. Когда коллектив— единое целое, выделять никого не хочется. Один сыгнал немного лучше, другой— чуть похуже. В этом и заключается искусство футбола. И тогда всех: кандай внес свою лепту в успех команды. На сиюминутное решение первачилов первого матча нет только четверых: И. Таганченко, А. Назарова, В. Омельченко и А. Собаняна.

Пусть себе же днепропетровчане не ставят никаких рекордов и футбольные меланже совершенствоваться— залог будущих побед. Не случайно за последние годы в чемпионате СССР в Инголаеве до отозавалося о «Метеоре» как о команде будущего.

Что привлекает в игре футболистов с берегов Днепра? То же, что и в жизни: борьба, крепкая товарищеская

спайка, взаимовыручка— они ведь на первом проявляют инициативу не меньше, чем за его пределами.

По окончании матча со «Стрелой» в Инголаеве, в котором выиграл Кубок, я вновь беседовал с тренером. Гунин был немного расстроен. «Могли бы первачи!»— огорченно сказал он. Что ж, аппетит приходит во время еды.

Хочется напомнить днепропетровчан о том, что первые обладатели приза «Смены», учрежденного в прошлом году— студенческая команда «Буревестник» из Ментополя,— ныне занимают весьма почетное четвертое место в своей зоне среди команд класса «Б». Пример, достойный подражания...

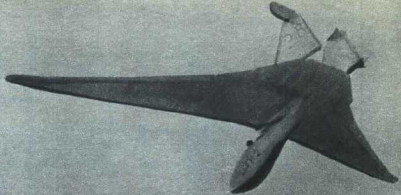
В. БЕРЕЗОВСКИЙ

Команда Днепротеррорского «Метеора», завоевавшая третье место и приз журнала «Смена» в соревнованиях на Кубок СССР по футболу для команд коллективов физической культуры.

А. Бабенко, В. Шевцов, В. Горюченко, В. Коба, В. Колмаев, В. Чебанюк, А. Садовников, В. Лукович, В. Парогов, С. Афоня; сыграт: А. Крюковский, А. Кукишин, В. Зинченко, А. Тарасенко.

ФОТО В. СТЕПАНОВА

Виктор ТЮККЕЛЬ
Фото автора

ВОЗЬМИТЕ

ЭТУ ЭСТАФЕТУ

од вертолетом висел планер. Потом планер опустился и ринулся в пики...хвостом вниз. Спустился секунда пятнадцать летчик вывел его из этого необычного положения и приступил к маневру фигуры высшего пилотажа. Над летным полем Тушинского зародка, заполненного тысячами москвичей, пришедших на последний авиационный праздник, гремел голос диктора: «Планер «Амури» пилотирует летчик-испытатель Герой Советского Союза Сергей Николаевич Анохин... Я перенесся на три с лишним десятилетия назад в чудесный уголок Крыла — Котельбек. Парил планер. Не в небе Москвы — над Черным морем.

Планер, созданный в 1923 году Обществом друзей Воздушного флота, организованного первую планируемую школу. Ее «стремлюсь» создать авиационного брата А. Н. Туполева, С. В. Ильюшина, А. С. Яковлева.

И вот в эту самую школу репрессия журнала «Самолет» направляет учителя меня, фотокорреспондента. И предупреждает: «Исправно для того, чтобы жить, так сказать, «авиационно грамотными». И хотя придираются «даты» —

Николай Симонов, старший инструктор, замечательный пилот, думая о том, что его помощник — Сергей Анохин, Маргарита Рабухина, Игорь Шварц и меня берут. А в конце обучения — первый полет. Летит Георгий Лисицкий бусирует планер «Г-9». Восходящий поток нет. Идет все спокойно и плавно в море. Наконец я отцепился от планера и начал кататься. Лучше быть над сушей, ближе к берегу. Планер плавно теряет высоту. Ох, хоть бы сорок минут продержался! И тут — подальше в мощный восходящий поток. Второй засасывает планера. Следующий полет. И так четыре часа. Спустился на воду. Пролетел вдоль склонов 36 часов, Лисицкий — 20!

Каждый год мы собирались в Котельбек на съезды. 1933 году на самолете Лисицкий отдала Ославахилина диниюму-предупреждению Григорьеву-предупреждению Минкову, которому я обязан увеличением авиации, отдавать работу на отработку следа.

Участники слета — это представители 150 планирующих станций, 7 планирующих школ, 650 кружков работающих в стране. Десятки различных конструкций парящих аппаратов, большинство которых было построено в порядке личной инициативы, делались в Котельбеке участниками слетов И. И. Грибовским, И. И. Шереметьевым, В. Грошевым, В. Емельяновым. Все новые и новые аппараты привозили авиационный парящий — Олег Антонов, ставший выдающимся авиационным конструктором.

«Практические годы, 13 из 18 международных рекордов принадлежит советским планировщикам Оля Ипелитова пролетит на одностороннем планере 746,203 километра в течение, который не удается побить и по сей день. Чудеса мастерства искусства демонстрирует Сергей Анохин. «Щелкает» рекорды в частном случае Винторасторженного. Подрастает Винторасторженного, который в тридцать третьем пролетит по прямой 829,322 километра.

«Советскому планированию сорок лет. Годы — это путь. Путь приносящий мастерство до совершенных параллелей, так же, как «А-1». В течение нескольких десятков энтузиастов до тысяч, увеличивая авиационным сплетом. Ведь сегодня наши планировщики пролетят в воздухе в несколько раз больше времени, чем, скажем, пять лет назад. Ведь сегодня парящими полетом увлечены не только в Москве и Ленинграде, но и в каждой республике. А на знавшей авиации Южшар-Австралий мастеров слета, планировщиков международного класса. В повсеместном небе парит планер. Сотни тысяч зрителей аплодируют мастерству пилотов и дерзавшему конструкторской мысли. А в все еще думаю о тех, кто первыми захватил дверь в голубой океан.

В полете планер «АИГ-2» — парх технического совершенства того времени.

Оля Клепикова — мировая рекордсменка. И сегодня ее рекорд — мечта планировщиков.

Так на амортизаторах зануслили в воздухе высокотехнический планер. Бусирующийся был не самолеты — люди.

Маски из овечьих шкур. Чубы не поморозится. Взгляните на эти маски и вспомните всевозможные верхолазки. Вот вам одна маленькая деталь авиационного прогресса.

Как и следовало, любовь к авиации была всеобщей. Едва бы полеты. Клепикова и Громова, Коккички и Гроздобовой. Мы и тогда летали выше, дальше, быстрее и лучше всех.

Георгий МАРТЫНОВ

Рисунок Г. НОВОНИЛОВА

(Продолжение. Начало см. «Смена» №№ 11—18 и 21)

6

Несколько минут Муратов машинально следил за Гизаней. Он первый раз видел, как она прыла, и невольно замоловался прической ее движений.

Но его мысли были далеком... Она сказала самой себе, подумала вслух и сделала это на земном языке!

Люди иногда проносят свои мысли вслух, когда глубоко задумываются. Но почему Гизаня «подумала» на испанском языке? Было бы гораздо естественнее, если бы она сказала эту фразу на своем. Человек всегда думает на своем, а не на чужом языке.

Муратов чувствовал, что стоит на пороге какого-то очень важного открытия.

«Выходит», — думал он, — что испанский язык знаком Гизане очень давно, может быть, с детства. Она его так хорошо знает, так привыкла к нему, что даже думать может на нем. Это странно и необъяснимо. Но примем это как факт. Гизаня явно не разбирается в технических вопросах, плохо знает цель прилета своих соплеменников в солнечную систему. Их план известен ей только в общих чертах. Почему это так? В космический полет не возьмут ненужного груза змеялка. Зачем она была им нужна. Зачем? Только одно можно сделать ее полезной — знание языка Земли, испанского языка. Гизаня должна была служить им переводчицей! Но тогда получается, что люди с погибшего корабля намеревались высадиться на Земле, а не только на Луне, где, по их мнению, выжить существа еще не было. Прозвучал важный вывод!

Муратов чуть не бегом бросился на поиски Стоуну. Он нашел начальника экспедиции в обшестве Сабо, Токерава и Вересова.

— Послушайте, товарищи! Я хочу сообщить вам очень важную новость.

— Он подробно пердал весь свой разговор с Гизаней и свои мысли.

— Получается, — закончил он, — что они не только намеревались осуществить свой план, но и какое-то время хотели провести на Земле. Как же это согласовать?

Сообщение Муратова произвало большой эффект. Стоун в волнении вскричал в кресло.

— Вы правы, тысячу раз правый! — сказал он. — Мы глупцы, что не понимаю этого раньше. Вся ситуация меняется. Если Земле грозит опасность, то, как бы, она ни была страшна, это не катастрофа. Их план осуществится не мгновенно, для него нужно время. И достаточно длительное. А тогда и страшного ничего нет. Мы справимся с любой опасностью (Стоун, не зная этого, повторил только что сказанные Гизаней слова).

Спутники будут уничтожены в ближайшие часы. Вы трижды молодец, Муратов! Другой бы не обратил внимания на овец, что Гизаня думает по-испански. Она явно знает этот язык с детства, это совершенно очевидно. И, значит, с детства предназначалась на роль переводчицы. Вспомните, она как-то сказала, что прилетела на Землю почти против воли.

— Если все это так, — сказал Токерава, — то зачем было Рыгав уничтожать корабль и самого себя? Если он был другим Земле, логичнее было выжить к нам и предупредить об опасности.

— Да, если он мог это сделать, — отозвался Сабо. — Мы ничего не знаем, вот в чем дело.

— При этом нельзя забывать и о том, что все наши предположения могут оказаться ошибочными, — сказал Стоун. — Возможно, что корабль не был уничтожен, а все же погиб из-за несчастной случайности.

— Нет, невозможно! — возразил Муратов, немного подумав. — Гизаня сказала: «То, что сделала Рыгав, было напрасным». Почему напрасным? Да потому, что спутники все равно получили приказ действовать. Это опять-таки вытекает из ее же слов.

— Она могла и сама ошибиться, — с обычной упрямой манерой возразил Стоун.

Но как выяснилось очень скоро, Гизаня не ошиблась.

Сообщение седьмой лунной экспедиции было встречено на Земле с вниманием, но без особой тревоги. Те, кому это полагалось, обсудили полученное известие и пришли к выводу, что самой Земле, то есть тому, что было построено на ней людьми, никакой опасности не грозит. Оно может, что могли сделать огромной планете два маленьких «яйца» по сорку метров в длину, чем бы они ни были начинены! Даже взрыв обих спутников, в сотни раз превосходящий по мощности их полную аннигиляцию, на том расстоянии, на котором оба спутника держались от поверхности Земли, не причинил бы ни малейшего разрушения. Речь

могла идти только о том, что на спутниках заложено что-то вредное для населения Земли, скорей всего источник какого-то мощного излучения, действующего на живые организмы. Да и то только в том случае, если действительно было задумано причинить людям вред, в чем многие все еще сильно сомневались.

Но словам Гианзи не было оснований не верить. Тревожный сигнал был получен, и надо было принять меры защиты.

Космическая служба получила приказ немедленно отправить звездолет «Герман Титов» к погоне за спутниками и уничтожить их. На этом корабле давно уже были установлены антигазовые катапульты. Оборотять еще один корабль в помощь «Титову» не было времени.

Радиоборатории и станции космических лучей усилили наблюдение за двумя излучениями, идущими к Земле из космоса.

И буквально через считанные минуты после получения радиogramмы о вылете с Луны сбоев спутников-разведчиков (их продолжали так называть по старой привычке) они были слаными зоркими лучами локаторов, объективами визуальных телескопов, мощными шупальцами гравиаторов, размещенных на многочисленных искусственных спутниках Земли.

И, вылетев со своей лунной базы, оба «ляйла», пестрые с одной стороны и по-прежнему невидимые с другой, смогли летать всего несколько часов.

В этом отношении седьмая лунная экспедиция, «спугнувшая» спутники, оказалась очень полезной. «Ляйла» не успели даже разойтись в пространстве, как были настигнуты «Титовым» над меридианом Гавайских островов.

В этот момент над Тихим океаном стояла густая ночь. И очень немногие люди увидели бы блуждающие молнии антигазиев, возвестившие, что оба спутника много миль перестали существовать.

Успели ли они выполнить в какой-то мере свое назначение? Или погибли бесполезно для своих хозяев?

Ответ на этот вопрос был получен через два часа после их уничтожения.

И на оба вопроса пришлось дать положительный ответ.

Спутники успели причинить хоть и небольшой, но вред. Пришлось принять меры к очищению атмосферы и прибегнуть к медицинскому вмешательству по отношению к тем, кто оказался затронутым излучением со спутников. Смонтированные на них установки, видимо, начали действовать сразу же после вылета с Луны.

Скорее, нежели ожидалось, люди узнали, что им грозило, чем хотели поразить население Земли соплеменники Гианзи. И этой стала их цель. Та, кто был в курсе событий — а таковых пока еще было немного: авиационные ученые, сотрудники космической службы и обсерваторий, — невольно улыбнулись.

Слишком очевидно был грубейший просчет, слишком низко оценивали науку и технику Земли соплеменники Гианзи. Если даже в первый раз они были на Земле в средние века, и то должны были принять во внимание законы развития общества, которые не могли быть им неизвестны.

Но они ничего не предвидели и потому просчитались. Было бы совсем не до смешу — сказала видный физик Земли профессор Марлен Бразер — если бы они осуществили свой замысел несколько веков тому назад. Да и в последние века, когда люди были не только эксплуататорским строем, ария пришельцев могла привести к гибели многих слабообразных народов. Но сейчас... Что может причинить вред объединенному человечеству?

— Приходится сделать вывод, — дополнил ее слова другой ученый, — что мы ошибаемся относительно сроков запуска спутников-разведчиков. Видимо, они появились возле Земли не так уж давно. И еще более непонятным становится их просчет. Чтобы так ошибиться, надо обладать исключительно развитым самоощущением, высочайшим по отношению к другим и глубоким презрением ко всем, кого считаешь ниже себя.

Никто на Земле и не подозревал, как близок к истине был этот ученый.

Спасность миновала.

Сейчас А в будущем?

Можно ли ждать нового нападения?

Судя по тому, что среди народа Гианзи появились люди, подобные Ригэв, этого не приходилось опасаться. Неизвестное человечество, очевидно, достигло такого уровня развития, когда становится невозможными враждебные акты по отношению к другим.

7

— Это начинает меня беспокоить, — сказала Марлена. Она встала и, защищая глаза ладонью, всмотрелась в сверкающую мириадами искр водную даль.

Измуродные-сифирующие волны Черного моря лениво набегали на берег. Перламутровая дымка скрывала линию горизонта. Там, где удалялись эти линии, словно выскользнув в воздухе белое судно. Оно было далеко и казалось неподвижным. Невероятно зашвыряло облачно-зеленым комочком пылыло по пустому небу, угрожая задрожать. День был почти безветренным, изредка чувствовалось легкое дуновение, приносящее не прохладу, а еще больший зной.

Чьей головой Гианзи никак не было.

— Она прекрасно плавают, — лениво сказал Виктор Муратов.

— Но прошло больше часу!

— Что ж из того?

— Я все-таки беспокоюсь.

Реуля Гарсия приподняла на локте.

— Поехали на поиски, — праждожил он.

— На чем?

— На любом катере. Если мы объясним, в чем дело, каждый уступит нам дорогу.

— Подождем еще немного.

Беспокойство сестры передалось и Виктору. Он вскочил и подошел к воде.

Они много плавали в этот день. Гианзи все время была с ними. А когда все устали, она уплыла одна. И вот прошел целый час, а Гианзи не было...

Уже месяц, как седьмая лунная экспедиция вернулась на Землю. Большинство людей почти забыло тревоги и волнения тех дней. И только присутствие на Земле Гианзи невольно напоминало о необычных событиях.

Участники седьмой экспедиции решили предостеречь себя месячным отдых и в полном составе поселились на Кавказском побережье.

Многие проснулись за этот месяц. Гианзи стала заметно открытвеннее. Оночательно было выяснено, что где-то существует мир, обитатели которого остро нуждаются в планете для заселения. Перестало удивлять, что Гианзи не помнит своей родины — обстоятельство, так сильно поразившее в свое время Виктора Муратова. Она родилась на другой планете, найденной ее соотечественниками и признанной ими негодной для колонизации. Своей настоящей родиной Гианзи никогда не видела.

Проснулись и личность Ригэв. Ученый, инженер, технический руководитель космической экспедиции, этот человек был совсем не похож на других соотечественников Гианзи. Он всегда возрежал против плана своей товарищей относительно Земли, считая его бесчеловечным. Он настаивал на том, чтобы остаться на первой планете, застроить ее и заселить. Почему с ним не согласились, осталось несмысл. Гианзи чего-то недоговаривала.

И хотя вполне ясным были враждебные намерения корабля, с которого высадился Гианзи, к ней никто на Земле не испытывал неприязненных чувств.

Понятия была пассивная роль этой девушки, а ее словам, что она полетела на Землю против воли, верили, и это служило оправданием той симпатии, которую все чувствовали к Гианзи.

По словам Марлены Муратовой, после возвращения с Луны Гианзи поразительно изменилась. Если раньше в ней никогда не чувствовался скрытый страх, то сейчас от него и следа не осталось. Если раньше Гианзи старалась набегать людей, то теперь она искала их общества. И по ее желанию, по ее инициативе Марлена и Гианзи вскоре присоединились к участникам седьмой экспедиции.

Причина этой перемены удавалась всеми. Гианзи знала о грозившей людям Земли опасности, она ожидала осуществления преступного плана и боялась возмездия. Было очевидно, что она судила о людях по бычкам и представлениям своих соплеменников, которые, видимо, были суровы и жестоки. Недаром после того, как она стала отравленной, Гианзи заявила, что путь не родину для нее закрыт.

А теперь, когда ничто не случилось, когда план был в корне пресечен и никакая опасность не висела больше над людьми, Гианзи перестала бояться.

Конечно, никто не тронул бы Гианзи, даже если бы их план осуществился. Но ее тревога была понятной.

На вопрос, могут ли ее соотечественники направить к Земле новых спутников-разведчиков, Гианзи решительно и твердо ответила: «Нет!».

— Я не хочу, — сказала она Марлене, — чтобы здесь, о нас сложилось слишком плохое мнение. И так уже оно нестерпимо для моих родных. Помимо, что с вашей стороны это не простое любопытство, но верите

мом словом. Никакого больше не будет никаких попыток передать людям знания, а значит, что и Ниаги, хотя он и умер. Если бы это было не так, он не сделал бы того, что сделал.

Эти слова убедили всех. Личность Ниаги, которого никто никогда не видел и не увидит, продолжала влиять на события и после его смерти. Ему верили, а в том, что сказала Гианза от его имени, была несомненная правда. Не было никакого смысла жертвовать собой и своими спутниками, если возможно было направить к Земле новые спутники с той же целью. В таком случае, как заметил Токерав, было логичнее явиться к людям и предупредить об опасности.

Гианза оставалась нависшим над Риагиз Риагиз предпочла уничтожить себя и корабль. Он мог бы и в этом случае явиться к людям. Ведь корабль намеревался опуститься на Землю, что подтвердила и Гианза. Она стала гораздо откровеннее, но не до конца. О многом она умалчивала, а то, что становилось известным от нее, приходилось допытываться у ее спутников.

Но можно было надеяться, что рано или поздно Гианза все расскажет. Как и раньше, решено было не форсировать событий и предоставить девушку полную свободу действий.

Никто удивлялся, что Гианза очень молода. Марина получила наконец ответ на вопрос о возрасте гостини из космоса. Гианза сумела даже высчитать свои годы по земному времени. Оказалось, что ей только семнадцать лет.

Эта гостья объяснила очевидную привычку не трудиться. Гианза еще не успела привыкнуть к труду.

На естественный вопрос, сколько лет в среднем живут ее соотечественники, последовал ответ, который очень многим показался невероятным. Гианза назвала чудовищную цифру—500. Выяснилось, что по земным годам соплеменники жили в шесть раз дольше людей Земли.

Приныцы такого долголетия, разумеется, очень интересовали ученых, но ответ Гианзи был прост и принес разочарование.

— Я не знаю,—сказала она.— Мало было надежды узнать то, чего не знала Гианза. Где находится ее первоначальная родина, также не было известно.

— Но там-то знает, куда улетели ваши корабли?—спросил Гианзю.— Нет,—последовал более чем странный ответ.

Многие остались загадочными. И, по-видимому, навсегда. Если на родной планете существовали бы семьи, не оставившие никакой надежды на прилет отряда космического корабля. В просторах Вселенной случайное нахождение планеты, и притом нужной, исключалось. Шансы на такую случайность были равны нулю.

Это горчало и раздражало. Невольное желание, чтобы вместо Гианзи на Землю находились более осмысленный человек.

— Эх!—вздыхали ученые.— Если бы Риагиз был здесь! Тогда, конечно, связь двух миров не оборвалась бы, как сейчас.

Но так случилось, и с этим приходилось мириться. Своей мимой она успевала установить наивысший контакт с другими обитателями мирами—грозила остаться ментой на неопределенное время.

— Хорошо, что хоть смотреть на эту представительницу иного разума приятно,—штуки на Земле.— Она могла оказаться кошмарным уродом. Но это было слабого утешение.

Прошло еще десять минут.

Уже несколько десятков человек с тревогой всматривались в море, куда бинюлями исчезнувшую Гианзю. Муратов и Гарсиа готовились отправиться на прогулочном катере на розыски девушки.

— Вот она!—облегченно вздохнула Марина, первой заметившая бланку.

Черный шлейф волос быстро приближался к берегу. Гианза не чувствовала утомления после почти полторацарского заплыва. Зеленоватые ружья равномерно и сильно раскрасили воду.

— Она на одной из этих огнисто-оранжево-красных купальниц костюма, никто не заметил затрудненного дыхания. Гианза выглядела совсем свежей.

— Ну, можно ли так волновать нас!—сказала Марина.

Гианза улыбнулась.— Я довольно она ровным и свободным голосом.— Хотела дотечь более судно. Но мне это не удалось. А потом я задумалась и забыла, что вы меня ждете. Простите!

Она опустилась на мелкую гальку, вперемешку с песком покрывавшую пляж.

В этом движении также не было заметно утомления.

— О чем же вы так задумались?—спросил Гарсиа.

Молодой инженер с особой симпатией относился к Гианзе. Эта симпатия очень походила на влюбленности, что, конечно, служило поводом для частых шуток.

Гианза повернулась к Муратову.

— Мне стало грустно,—сказала она, и Виктор сразу уловил в ее тоне тонкую нотку. Он посмотрел в ее глаза. Нет, в них не было слез, но они чувствовались в слезах.— Я вспоминаю своих родителей, сестер, братьев. И так мучительно захотелось увидеть их!

Она не ответила на вопрос самому Гарсиа. Но он не обиделся. Все хорошо знали, что Гианза, когда вопрос казался ей важным, всегда обращалась только к Муратову.

— Но это никогда не будет,—приблизил Гианза.— Она ничего не знала, бедная девочка!

— Боюсь, что это так,—мягко ответил Муратов.— Мы сделали бы все, чтобы дать вам возможность вернуться, но вы сами не знаете, где находится ваша родина. Но, может быть, откуда к нам прилетит еще один корабль!

— Он должен бы прилететь,—неожиданно сказала Гианза.— Но в последний момент было решено не посылать его.

— Ваши люди могут еще переждать. Скажите, Гианза,—Муратов хотел было отвлечь ее от тяжелых мыслей,—почему именно вы были выбраны на роль переводчицы? Разве только вы знали испанский язык?

— Его хорошо знает мой отец,—ответила Гианза,—но он уже стар, чтобы было можно дождаться на Землю. А я лучше всех умисла у стар.

— Вы тогда еще были у нас?

— Он участвовал в первом полете. Именно тогда была найдена ваша Земля.

— Они долго были на Земле?

— Точно не знаю, но, кажется, долго. Отец успел хорошо выучить язык.

— Когда это было?

— Равул и Марина настоятельно, услышав этот вопрос, давно интересовались всем. Ответил ли Гианза?

— Вам покажется странным,—ответила Гианза,—но я не знаю этого. Очень тутается время в космических полетах. Во всяком случае, по вашему счету лето это должно было произойти около полутора года назад.

— Чо?—Муратов в сильном волнении приподнялся.— Вы не ошибаетесь, Гианза?

— Думаю, что не ошибаюсь. А что вы успели?

— Нет, ничего. Мы думали, что это было намного раньше.

Ответ Гианзи в одно мгновение разрушал все здание догадок и гипотез, построенное людьми. Казалось несомненным, что соотечественники Гианзи были на Земле в средние века. Трудно было допустить, что их никто не заметил в более позднее время. Полвека! Это означало, что чужой корабль опустился на Землю в последней четверти двадцатого века. Невозможно!

— Давайте разберемся,—сказал Муратов, стараясь скрыть от Гианзи возраставшее волнение.— Нам нечего делать, и можно невольно заняться математикой. Сколько вам было лет, когда ваш отец улетел на Землю?

— Нисколько,—улыбнулась Гианза.— Я еще не успела родиться. Это затрудило задумку.

— Ну, хорошо, а сколько лет было ему самому?

— Не знаю.

— Но ваша мать, например, должна была помнить, сколько времени он отсутствовал!

— Наверное, она это помнит, но я ее никогда об этом не спрашивала.— План Муратова рухнул. И все же он не мог поверить в слова. Полвека! Нет, Гианза ошибается. Есть можно было поверить в начало девятнадцатого века, но в конце двадцатого. Гианза плутает раньше во времени для людей, находящихся на планете, и для тех, кто летит в космосе с избыточной скоростью. Все дело в этом.

Но Гианза могла ошибиться на век, на полтора века, но никак не больше. Гипотезу о средних веках земной истории приходилось сдавать в архив.

Это дало волю картине, составленную учеными Земли при непосредственным и активном участии самого Муратова.

«Д, очень, очень плохо,—думал он,— что здесь нет Риаги. Открылся ли когда-нибудь истинная или она навек останется неизвестной?»

Муратов так задумался, что не ответил на какой-то вопрос, заданный Гианзой.

Она повела плечом и повернулась к Марине.

— Смотри, товарищи,—сказал Гарсиа,— к нам бежит Стоун.

— Бежит!—удивилась Марина.

Все обернувшись, Стюи действительно не шел, а бежал. Это было совсем на него не похоже. Видимо, что-то случилось.

Даже не подозревавшись, что также было на него не похоже, Стоун сказал, задыхаясь:

— Передайте ей! Возле Земли появился космический корабль, и, несомненно, этот корабль принадлежит ее соплеменникам.

8

Приближение к Земле невидимого корабля первыми обнаружили гравитаторы лунных станций.

«Ж одна только невидимость наводила на мысль, что этот корабль принадлежит к какой-то цивилизации, что прилетел полтора года назад. Да и не могло так случиться, что за короткое время Землю посетили обитатели двух разных планет. Это была бы чудесно невероятная случайность, если не считать viszont тех же соотечественники Гианзи.

Конечно, это были они.

Но зачем, с какой целью они явились так скоро? План соплеменники Гианзи был совершенно ясен, и это давало возможность предвидеть их дальнейшие действия.

Прилет на Землю второго корабля был предвещеным. Прилетел с помощью спутников-разведчиков было подобно приборам, изучению и влиянию его на человеческий организм должно было привести к полному прекращению рождаемости. Человечество Земли должно было естественно вымереть.

На осуществление такого плана требовалось как минимум восемьдесят—девятьсот лет. Только по истечении этого срока омыслился вторичный прилет.

Экипаж первого корабля был уничтожен Риагиз. Оставшиеся на месте не могли знать, что план провалился.

Но вот они явились спустя всего полтора года.

Безусловно, они должны были думать, что установили на спутниках включены их товарищами с первого корабля. Что случилось в действительности, они не знали и не могли знать.

Зачем же они прилетели?

Перво три объяснения.

Было, самое неправдоподобное, заключалось в том, что корабль Рианзи не вернулся. Неправдоподобное оно было потому, что экипаж корабля должен был провести какой-то время на Земле, что вытекало из физики присутствия. Тогда бы надо — это слишком, небольшой срок, чтобы успеть преодолеть расстояние от Земли до любой из ближайших звезд, да еще провести на Земле хотя бы месяц.

Второе, казавшееся более вероятным, подкасающая мысль, что повисший корабль прилетел для проверки. И, наконец, что являлось самым неприятным, он мог прилететь с целью усилить действие спутников-скорости его, обрушить на Землю новые, более мощные порции излучения.

Последнее как будто опровергалось поступком Ризгиз и тем, что знавала от его имени Гиенза. Но она могла и ошибиться.

Встал вопрос: как встречать незваных гостей? Человечество Земли имело все нравственные и моральные права попросту уничтожить прилетающий корабль. Это было бы законным, как говорили в старину, атомом самозащиты.

Сделать это было легко.

Но такое решение никому не пришло в голову.

Ученые и инженеры испытывали чувство разочарования. И база и спутники исцедились бесследно. Никто так и не узнал их устройства и принципы работы. А ведь это была техника иного мира, и естественное желание изучить ее было очень сильно.

Уничтожить и этот корабль — это означало бы окончательно отказаться от мысли познакомиться с этой техникой.

Наше любопытство — сильное чувство, и с ним трудно, почти невозможно бороться.

Уничтожить корабль! Нет, никогда! Только в крайнем случае, если не останется ничего другого.

Могучая техника Земли подкасаела другой путь.

Стояла сделать попытку. Ну, а если она окончится неудачей, а любую минуту можно было развезти прилетающий корабль на атомы.

В тот момент его появления в полдень зрения граммитров и до принятия решения прошло немного времени. И через два часа Земля была уже готова к встрече в любом ее варианте.

Корабль «держался» лучи локаторов. Был уже известен его объем и размеры. Платеж окутывал защитным слоем — антрадиационным излучением. Четыре звездолета уже приближались к гостю и неотступно следовали за ним.

Все было готово.

Пришелец, обреченный и беспомощный, находился в полной власти людей Земли.

Знал ли об этом его экипаж? Они должны были заметить почетный эскорт, понять его смысл и сделать для себя вывод.

Что же они предпримут?

На Земле спокойно ждали. В космическом институте, превращенном в штаб встречного боя, Лео Сабо держал руку на кнопке. Одно нажатие — и, получив сигнал к атаке, четыре звездолета выпустят четыре сверх-основных ракеты. От пришедшего корабля не останется.

Он вел себя очень странно.

Корабль, но он уже давно был выключены тормозные двигатели: корабль подлетал медленно. И все время замедлял движение, больше, чем это было нужно.

Наконец его скорость упала почти до нуля.

На Луну пришелец, очевидно, не думал опускаться. Чтоб выйти на орбиту вокруг Земли по примеру спутников-разведчиков, нужна была большая скорость. Опускаться на самую Землю так медленно казалось бессмысленным.

Создавалось впечатление, что командир корабля не знает, как ему поступить.

Может быть, он увидел все и понял, что попал в ловушку. Тогда корабль мог внезапно повернуть обратно и исчезнуть в космосе.

Сабо твердо решил не допустить этого. «Живым» пришелец не уйдет от Земли!

Кому могло прийти в голову, что кораблем никто не управляет, что четыре существа, находящиеся в нем, даже не знают, что их путь окончен, что автоматы ищут команды, которую никому было им дано?.

Самое пылкое воображение не хватало бы, чтобы заподозрить истину.

На Земле недоумевали.

Испосинич корабль — его длина достигала полкилометра — потянулся возле Земли, бессмысленно деля время и энергию. Никакого излучения с него не появлялось.

Но корабль не падал на Землю. Это свидетельствовало о работе тормозных установок. Вблизи столь огромного небесного тела, как Земля, удерживать на одном месте такого гиганта стоило колоссальной расходу энергии.

И как-то сама собой появилась мысль о новой трагедии. Экипаж корабля «мертв»!

Что же могло привести к такому финалу межзвездного полета? Второй Ризгиз?

Срочно обратились к Гиензе. Она подтвердила свои слова, что корабль точно такой же, как первый, действительно готовился к вылету, она не знает.

Теперь появились еще большие основания осуществить намеченный план.

Но для этого следовало сперва убедиться, что приближение к кораблю безопасно, что на нем нет защитных установок, подобных тем, какие были на спутниках.

Звездолеты, сопроводившие гостя, получили указание произвести такую проверку.

Четыре робота-разведчика с разных сторон приблизились к пришельцу из космоса и беспрепятственно коснулись его поверхности.

Ангильяниди не произошло. Защитных установок на корабле не было!

На экранах, в рубках управления звездолетов возникли неясные контуры.

И что-то находилось внутри гостя.

И новая необходимость!

Передача с одного из роботов, находившегося у средней части космического корабля, ясно показала, что внутри что-то движется. Это «что-то» очень напоминало живые существа, напоминало людей!

Выходило, что предположение неверно, экипаж жив! В космическом институте ошелощено стало в туник. Что означает не-деповое поведение пришельцев? Нельзя же было допустить, что кораблем, совершившим межзвездный полет, управляют люди, не имеющие понятия о законах небесной механики.

А получалось именно так!

— Поможем им принять решение, — сказал Сабо.

С Земли вылетела та самая эскадрилья, которой когда-то руководил Муратов. Она была давно подготовлена с целью протестовать: еще один атакующий из научного космического института. Тратить же энергию на непредвиденную цель очень не хотелось, но другого выхода не было.

Мощи эскадрильи, которой хвально на изменение орбиты Гермаса, было больше чем достаточно.

Корабль казался очень маленьким в сравнении с гигантскими пришельцами, но их были восемь. С четырех сторон они подошли к гостю — по два с каждой — и плотно прилипли к борту, на видимому даже с близкого расстояния, но хорошо различимому, как туманный шпатель в космосе, на фоне звезд.

Могучие машины извлекли пришельца и эскадрилью в одно целое. Корабль был стачен и не мог уже двигаться.

Сразу стало ясно, что двигатели пришельцев противодействуют притяжению Земли.

Первая часть задуманной операции была выполнена, но встал вопрос: как поступать дальше?

Сила восьми звездолетов, вне всякого сомнения, могла справиться с силой двигателя гостя. Но что произойдет на Земле после приземления?

Остановился ли двигатель корабля гостя или будет продолжать так же бессмысленно работать?

Ведь все поведение гостя возле Земли было достаточно бессмысленным, чтобы такой вопрос не выглядел праздным.

Нельзя же было приковать корабль к ракетодому цеплям. Да и какие цепи могли удержать космический корабль таких исполинских размеров? Командир эскадрильи сообщил о своих сомнениях в штаб операции.

Там недолго думали.

Автоматы гостей — а было ясно, что в данный момент кораблем управляют не люди, а именно автоматы, — казались «разумными». Правда, соответствующие им земные автоматы были умнее и не допустили бы бессмысленной траты энергии, но все же они действовали с какой-то логикой, а потому.

Значит, почувствовав Землю, они должны были остановить двигатели.

В этом смысле Сабо и ответил командиру эскадрильи.

Воспользуйтесь корабельными перестроениями. Зачем было противодействовать гостям гостя, если можно было их использовать?

Задолго людям Земля хотелось проверить, насколько «разумные» автоматы пришельцев.

Прилетающий корабль можно было вести к Земле кормой вперед. Тогда его двигатели, если они будут работать по-прежнему, не помешают, наоборот, помогут. Ну, а если они начнут работать в противоположном направлении, тогда придется применить силу, так и жаль было тратить столько энергии.

Оказалось, что «разум» на корабле гостя более совершенен, чем предполагали.

Едва началась буксировка, двигатели гостя перестали работать совсем. Центральный агрегат, видимо, почувствовал и «опоялся», что корабль управляется извне.

А может быть, такая посадка была обычной? Учитывая чудовищные размеры корабля, это было вполне возможно.

Как бы там ни было, это не имело уже большого значения, гость не противился, и через полтора часа на освобожденном от всех ракет пиренейской ракетодоме опустились восемь корабельных эскадрильи.

Между ними находилось что-то похожее на прирак.

Исполинское тело зиявало всем, что находилось за ним, но было абсолютно невидимо, казалось непрозрачной пустотой.

Люди Земли впервые наблюдали подобное зрелище.

Пришельцы встречали только работники космической службы. Элементарная осторожность заставляла объявить ракетодом закрытым для посторонних.

Исключение было сделано только для двух человек — Муратова и Гиензы.

Вспомогательные корабли отделились и отлетели к краю ракетодома. Гость остался один.

Его надо было сделать видимым. «Прирак» во многих отношениях был очень неудобен.

Никто не выходил из корабля. Акустические аппараты не воспринимали никаких звуков внутри него.

Но ведь на экранах эскадрильи движение видели. Почему же оно теперь прекратилось?

То, что находилось внутри космического пришельца, словно затихло. Люди Земли не боялись никаких угроз. Здесь, на Земле, корабль гостя не мог причинить большого вреда, он находился в полной власти хозяев планеты. Но отсутствие движения невольно навело на мысль о какой-то угрозе.

Экипаж корабля должен понимать, что попал в плен. Как поступит командир?

Если он адекватно подыщет и улетит, это не спасет. Четыре звездолета не опустятся на Землю, они ожидали высоко в небе, над ракетодомом, пристально наблюдая за гостем. При попытке к бегству корабль будет уничтожен.

Люди тутешние старались договориться, что происходит сейчас внутри корабля.

Как и раньше, никто, в том числе и Гиенза, не мог знать истинного положения вещей.

(Окончание в следующем номере.)

КОСТЕРЬ-Ы ЧУКОТКА

ФОТО В. ГИППЕНРЕЙТЕРА

Поселок Улен — на краю света, на самом Дальнем Востоке страны. Холодный океан с плавающими здесь летом льдинами, снег по озаркам и берегам рек, заболоченная, без единого кустика тундра, дожди, ветры и туманы летом, гудя зимой. Связь с «материном» — хоть Чуколка и не остров — морем, а вода позволяет иногда — вертолетом или самолетом. Здесь живут эскимосы и чукчи — эверлоки, оленеводы, рыбаки.

В отдельном доме, на возвышении, помещается Уленская костерная мастерская. Здесь можно узнать все о жизни народа, исследующего этот суровый край. Искусство здесь ценится по достоинству эскимосом, связанным с ней. Все, что видит и переживает эскимос или чукча на охоте, в море, в тундре, легенды и сказки, жизнь животных, на которых охотятся и которые сами служат человеку — все это можно увидеть в замечательных по мастерству и по

форме работах, сделанных из кости. Из моржового клыка делают скульптуры, монументные группы, как, например, в работах заслуженного художника РСФСР эскимоса Кукутана, или ажурные динамичные композиции, наполненные движением и воздухом, как работы заслуженного художника РСФСР Букутагина и мастера-костереза Туукама.

А если моржовый клык выровнять и отшлифовать, то на его поверхность можно нанести тонкую гравировку специальными резцами и красками, вырезать барельефы.

Рядом со старыми заслуженными мастерами работает молодежь — восьмидеятилетняя комсомолка Галина Анажак, Лена Пинитга. В барельефе и круглой скульптуре большие работы мужчин, в гравировке большого мастерства достигают женщины. Гравировку по моржовому клыку, выполнение тангалы или Яну, пользуется широкой известностью.

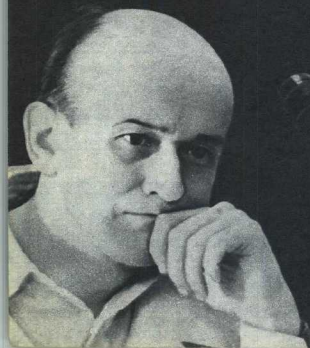

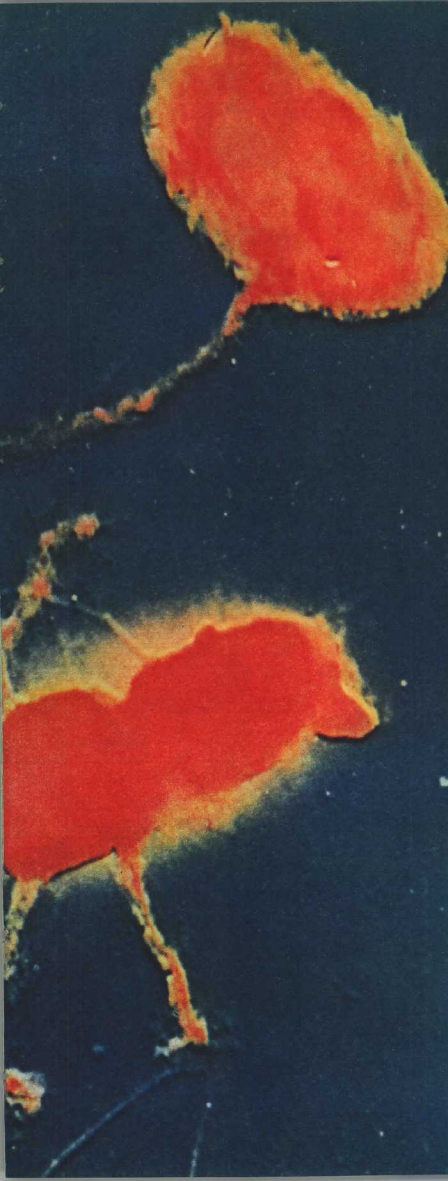

ЭКСКУРСИЯ «СМЕНЫ»

АТАКУЮЩИЕ НЕВИДИМОК

— Вот этого существа человек прежде никогда не видел, — сказала научный сотрудник Института микробиологии Академии наук СССР Денис Иванович Никитин и протянул мне фотографию. С фотографии на меня смотрели... обыкновенная, на взгляд непосвященного, бактерия: какое-то медузообразное, полупрозрачное тельце. Поместите под микроскоп каплю воды — и вы увидите десятки подобных организмов. Но только по-

Красные тельца, которые вы видите на снимке, — мельчайшие микроорганизмы, впервые обнаруженные ученым-микробиологом Д. И. Никитиным.

хожит! На самом деле все эти инфузории-туфельки, с которыми отлично знаком каждый школьник, рядом с существами, изображенными на фотографии, выглядели бы Гулливером в стране лилипутов. И первым в эту страну вошел советский ученый Денис Никитин.

У нас под ногами гигантский и пока еще очень мало познанный мир — начал свои рассказы ученик — Микрופлора, царство недоступно человеческому глазу организмов, до сих пор хранит в себе великое множество тайн. Конечно, вы понимаете, как нам важно знать этот мир. Вот наш отдел и занимается изучением микрופлоры почвы. Кажется, проза — копаться в земле и выуживать на свет ее жителей, которых без увеличения в тысячу раз и увидеть невозможно. Но не торопитесь с выводами. Изучая гумус... Впрочем, сначала надо объяснить, что такое этот самый гумус.

Возьмите горсть земли в руку. Взгляните в эту темно-бурую массу. Увидите мелкие песчинки, крошечные корешки, полугнившие травинки, минеральные и органические частички — вот из чего состоит почва. И среди этих маленьких обломков большого мира обитают мириады микроскопически малых существ. В жизни этих существ происходят бурные события, разыгрываются настоящие трагедии. Существа эти рождаются и умирают, чтобы сместить свое несамолюбивое тельце с тельцами себе подобными. Умирая, все бактерии разлагаются на составные части. И вот тут-то начинается целая цепь химических и физических превращений, после которых и получается гумус — вещество совершенно своеобразное, ни на какое другое не похожее.

Если сделать тончайший химический анализ гумуса, выяснится, что он состоит из множества самостоятельных веществ. Главное из них — гуминовая кислота. Гуминовая кислота — это тот самый волшебный эликсир жизни, которым природа подкармливает растения. Оказавшись, гуминовая кислота помогает фотосинтезу, стимулирует рост растений. Далее — после того, как гуминовая кислота разложилась, она продолжает творить «доброе», выделяя различные аминокислоты и антибиотики — удобрения, приспосабливаемые руками природы.

Как же мы изучаем эти вещества!

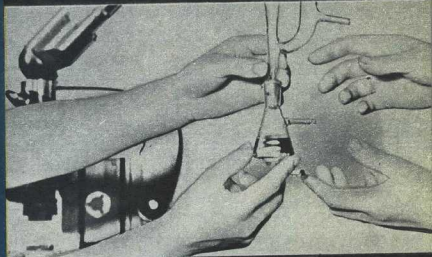
У нас есть новый, свой метод, и званный методом проточного кубка виролюма «микроробот» в почве. В отделе сконструирован аппарат, которым удается моделировать точные такие же процессы, как и в природе в почве. Сложные превращения и торопливо в земле даются часовой, а в аппарате протекают всего за несколько часов.

Следующий этап нашей экспедиции — отдел Бактериофаги и антибиотиков. Задачей этого отдела — донести биологические науки Я. И. Раунта — шестин ведет нас по комнатам.

Вы, конечно, знаете, что антибиотик, эти чудесные почечные препараты, приготавливают на заводах. Этим заводам являются также приводе сими стимуляторами роста животных. Но далеко не всем известно, что Бактериофаги — лучшая грибкой получить антибиотик на заводе них не удается.

Вот небольшая плоская чашка плотно подогнанной крышкой. По поверхности ее разрослась желто-белая масса. Белые островки по форме и поминуют крошечные солнца. Так и глядят антибиоты. У этих крошечных грибов есть страшный враг — фаги. Всем известно, что гриба видают вирусы гриппа. Фаги — те же вирусы, но вызывающие заболевание микробов. Ведь фаги и есть разновидность вирусов. Причем они — разборчивые вирусы. Каждый из них нападает только на определенный вид бактерий, совершенно «интересуясь» другим. В отделе Бактериофаги и антибиотиков как раз занимаются изучением всех классов фагов, нападающих на антибиоты.

На производстве бывает так: в определенном месте, где в благоприятных условиях размножаются антибиоты, для того чтобы потом получить антибиотик, вдруг все исчезает антибиотик. Это — дело «руки фага». Выяснить причины, которые помогают антибиотиками фагов прорваться в антибиоты, — одна из первоочередных задач. Кто уже сделал. Под электронным микроскопом в увеличении в сотни тысяч раз изучена закономерность появления фагов. Оказалось, что фаги проникают через «прорезную», сами антибиоты. Прорывались внутрь клеточной антибиоты, фаг как бы застревает до поры до времени. И тогда

потом начинает свою бурную разрушительную деятельность. Отсыть те клетки, в которые уже пробрался фаз, повлечет, не удастся. Зато выведет фагоцитозную культуру — задача посильная. Сегодня такие культуры у нас есть. Отечественные антибиотики, подлинники из антибиотиков, уже успешно борются с падением слюты, особенно молодая, помогают клеточным лучше и быстрее расти.

О любви, внеземной науке, зоо-биологии, рассказала нам в отделе космического микробиологии старший научный сотрудник Анна Ивановна Жукова.

Недавно в нашей и зарубежной печати промелькнули сообщения о том, что внутри метеоритов, провалявшихся сквозь плотную завесу атмосферы, найдены живые организмы. При более тщательном просмотре оказалось, что микробы, поселившиеся в метеорите, имеют самое что ни на есть земное происхождение. Их занесли сами исследователи. В нашей работе особенно важна чистота. Чистота опыта. Метеорит сначала необходимо обжечь и только после этого его можно помещать в большую пластмассовую коробку — бокс, где даже сам воздух стерилизован, тщательно очищен. Риги исследователя, одетые в стерильные перчатки, через специальные отверстия в стенке бокса вводят так же тщательно стерилизованное сверло. Сверло продвигается в метеорите отверстие, а микроб порошко, который при этом получается, и есть тот самый продукт исследования, в котором могут обитать живые пришельцы из иных миров.

Итак, бактерии могут прилетать к нам из космоса, оседая в стремительные метеориты. Но самое удивительное поначалу, что споры сами, исследователям могут прилечь в земную гальвану. Вспомните знаменитого швед-

ского ученого Арениуса, впервые высказавшего предположение, что под влиянием давления света бактерии могут существовать с одной планеты на другую. Господя великого русского физика Дедерова подтвердила: это вполне возможно. И вот как это может происходить. В результате грандиозных геологических превращений (гранитизации, извержений) какая-то спора была выброшена так высоко, что приземление планеты было уравновешено, весом самой споры. Хотите знать этот вес? Немец целых, потом залетал, потом выпадать нулеи и только за ними спироман, одинокая единичка граммов. Когда спора вошла на орбиту вокруг планеты, на нее начинают действовать давление света, и микроскопическое существо отправляется в далекое космическое странствие...

Как очевидно важно знать точно населен ли космос такими мигрирующими бактериями. Тогда мы будем так же точно знать, надо ли нам стерилизовать космические корабли, отправляющиеся на соседние планеты.

Впрочем, — заканчивает свои рассказы Анна Ивановна, — изучение всех этих вопросов имеет и другое, чисто научное значение. Ведь теория рано или поздно обязательно выявляется в практику. До сих пор не окончательно решен вопрос о происхождении жизни на Земле. Как она возникла? Зародился в мировом океане? А может, она началась вот с такой крошечной клетки, прилетевшей к нам откуда-то из другой Галактики!

— Мы уходим и уже другими глазами теперь смотрим на мир, окружающий нас. Человек познает мир — царство невидимки, становится в нем хозяином.

Экспрессно вели наши репортеры
С. ПЕТРУХИН и Л. РЕПИН.

Молодой ученый Владимир Горюнов вернулся из экспедиции. Ему есть что рассказать своим товарищам Лиеке Васильеву, Римме Лохмачевой, Вере Аллиной и Владимиру Орлеанскому.

10
Б. ФЕДТОВ

Н

в так давно сотруднику Центрального государственного архива Октябрьской революции нашли стихи Сергея Александровича Корсака, молодого поэта, участника революционно-освободительного движения 80-х годов XIX века. С. А. Корсака написав их в царское время и в ссылке, где он и погиб. Боже семидесяти лет прождали стихи в архивах.

Сергей Корсака родился в 1866 году в семье чиновника, учился в Симферопольской гимназии. Но в 1883 году ему пришлось уйти из гимназии. Он стал рабочим Севастопольского адмиралтейства. Здесь Корсака и начал задумываться над социальной несправедливостью. Каждый день работы в Севастопольском адмиралтействе убеждал Сергея в необходимости изменить тяжелое положение рабочего класса.

В один из летних дней 1887 года Корсака ехал из Севастополя в Николаев. Случайно на пароходе встретился ему знакомый еще по гимназии И. Ф. Галкин. Они долго откровенно говорили. Так Сергей узнал о существовании в Одессе народолюбивого кружка. Галкин предложил Сергею принять в нем участие. Корсака согласился. Прошло время, и его новости в Николаеве человек с запиской Галкина. Тогда-то Сергей и занялся конструированием необычного револьвера, из которого можно было стрелять «без звука, огня и дыма».

Осенью 1887 года начался аресты участников Одесского народолюбивого кружка, состоявшего преимущественно из молодежи. В этом кружке сказывалось влияние группы «Освобождение труда». Молодежь читала и переписывала от руки марксистские произведения, спорила о путях социал-демократии, пыталась установить связь с рабочими. При общении жандармы находили у участников кружка марксистскую литературу.

Корсака арестовали в Николаеве. Жандармам не удалось обнаружить у него ильдебальд литературы, но зато они нашли стихи, уже записанные в протоколе, «тенденциозного содержания». Захватили и чертежи с описанием сконструированного Корсаком беззвучного револьвера, различные рисунки паровых машин, судов и приспособлений к ним его же конструкции. Его работу жандармы представили на экспертизу в Михайловскую ар-

К
Р
О
С
С
В
О
Р
Д

По горизонтали:

3. Волгарский писатель. 5. Северное соаведие. 6. Пьеса М. Горького. 7. Советский хронографический альбом. 12. Прибор для определения направления и скорости движения облаков. 13. Десна. 14. Советская поэзия. 15. Несколько мундальных звуков. 17. Итальянский скульптор, живописец, архитектор эпохи Возрождения. 18. Мюзант. 21. Гора на Северном Кавказе. 23. Река в Палестине. 25. Парламент в Норвегии. 26. Автор повести «Дорогой мой мальчишка». 27. Советский научный журнал. 28. Русский мореплаватель XIX века. 29. Химический элемент.

По вертикали:

1. Русский художник. 2. Советский поэт, лауреат Ленинской премии. 4. Протог Хопфа. 5. Озеро на Балканском полуострове. 6. Дальневосточная сардина. 7. Время для одной скватин в боксе. 10. Зеркало для исследования главного дня. 11. Метод объемного анализа металлов. 14. Искусство резьбы по драгоценным камням. 16. Самый крупный спутник Юпитера. 19. Русский педагог XIX века. 20. Морское животное, зубчатый нат. 21. Птичий зверек. 22. Город, один из старейших центров соевой промышленности на Урале. 23. Гора на Енисее. 24. Государство в Азии.

СТИХОТВОРНИК НЕИЗВЕСТНЫЙ ...

тварийскую академию, и специалисты пришли к заключению, что устройство революера соответствует в проекте правильно как в общем, так и в частности, и в описании нет несообразностей. Изобретение на много десятилетия опережало сообщения о появлении подобных конструкций за рубежом. В одном из докладов департаменту полиции Херсонское жандармское управление отмечало большие способности Корсака.

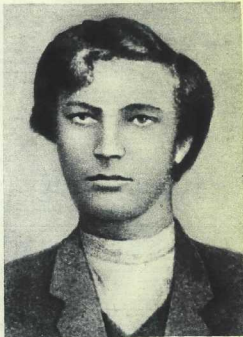
Вскоре после ареста Сергея перевели в Одесскую тюрьму. Жандармское дознание об арестованных тридцати двух молодых людях дало около двух лет. Накануне 14 июня 1889 года царь высочайше повелеть соизволил без суда сослать в ссылку человек (на срок от четырех до десяти лет каждого) в Восточную Сибирь; троех, в том числе и Корсака, — на пять лет в Западную Сибирь; остальных подвергнуть тюремному заключению и выдвору по окончании на разные сроки.

12 июля 1889 года из Одессы сосланные отправлены в Сибирь по этапу. Остановка в Московской (Бутырской) пересыльной тюрьме. Здесь ему предстояла разлука с товарищами, которых сосла-

дали в Восточную Сибирь. И он пишет прощальное стихотворение «Товарищам Восточникам». Впоследствии он посвятил им еще одно стихотворение, «Последние часы с восточниками», написанное в Томской тюрьме 22 августа 1889 года. Лейтмотивом второго стихотворения Корсака была верность идеям борьбы с самодержавием.

В ссылке, в Азиямлинске, Сергей продолжал писать стихи, читал их товарищам. Из Азиямлинска Корсака послала часть стихов в Челябинск на отзыв находившемуся там в ссылке молодому критику С. П. Казанскому, заведующему прав Московского университета. В конце 1893 года жандармы произвели у Казанского обмыск, стихи изгладили и в качестве «вещественных доказательств» представляли в департамент полиции. С документами Казанского оказались в архиве и стихи Корсака. Некоторые из них мы сегодня публикуем.

Пусть поэтический голос Сергея Корсака, искавшего свое место в поэзии, был еще негромким, но он долготам, как голос молодых борцов против самодержавия.

О, КАК МНЕ
ХОЧЕТСЯ ПОРОЮ...

ТОВАРИЩАМ
ВОСТОЧНИКАМ

О, как мне хочется порою
Со всеми силами природы
Для дев любви, для дев свободы
Слиться полною душою
И чхать громаду корабля
Беззабдно в бурю меж скалам;
На иссушенные поля
Излиться светлыми струями;
Взвать ручьем и напоить
В степи бредущих в зной томиях;
Гонимых злом от завора сырь
Лесов таинственного чащой;
Заблудшим путником сиять
Звездой во мраке полуночи;
Усталым людям навевать
Роптанием листьев сон на очи;
Корабль перла всплеснуть
Волной в пустыне Океана;
Из мрачных туч огнем сверкнуть
И разгромить дворец тирана.

Одесса, тюрьма, 3 июня, 1889 г.

Вам, чье доброе слово в душе у меня
Пробудило впервые сознание,
Вам, зажгишим во мне луч святого огня,
Что скажу вам, друзья, на прощанье?
Пожелать ли вам жить без нуды и

скорбей,
Внестъ счастье климат суровой?
Нет, не надо нам форменных, посылх

Дайте высказать братское слово!
Пожелая я вам, чтобы в вашей груди
Не погасло священное пламя;
Чтоб, как прежде, над вами в тяжелом

пути
Развевалось лишь истины знамя;
Чтоб, вернувшись домой из страны

ледяной,
Как кончатся высилки годы,
Вы отделись бы вновь обновленной

душой
Делу равенства, братства, свободы.
Москва, Бутырка, 1889 г.

НЕ ИЗ ДЖАКОМЕТТИ

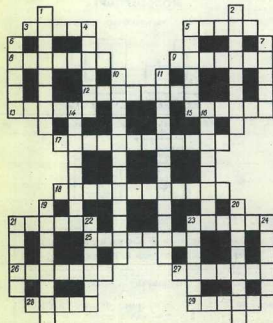
(Перевод с действительности русской)

За дело истины мы брошены
в тюрьму—
Простора нет ни чувствам, ни уму;
Нам угрожает мрак безвременья

мститель,
Но жизнь нам кажется сравнительно
легка:
Приятно сознавать под гнетом грубой

силы
Духовное ничтожество врага.
Азиямлинск, 5 декабря 1889 г.

Составил И. ЯКУНИН, г. Тагиргор.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

По горизонтали:

1. Садно. 8. Ротор. 11. Ту-
лова. 12. «Розина». 13. Иону-
бонис. 14. Мейтус. 15. «Ко-
стер». 17. Касатка. 20. Репор-
тер. 21. Нинескоп. 22. Физико-
логия. 28. Рубинштейн. 30.
Братство. 31. Черномозг. 34.
Ракетордом. 36. Автомашина.
38. Нарболит. 40. Черенница.
42. Трапюно. 44. Велеска. 46.
Классис. 48. «Промежтор». 51.
Иванов. 52. Кистро. 53. Ар-
тев. 54. Севан.

По вертикали:

1. Сейсмиграф. 2. Дейгетер.
3. Отаур. 4. Пикник. 5. Бату.
6. Трио. 7. Ядрица. 8. «Ра-
дио». 9. Телетайп. 10. Ре-
кордсмен. 15. Сорбон. 16.
«Красин». 18. Сарьян. 19. То-
варь. 25. Инора. 26. Флетт.
27. Гинэр. 27. Врест. 28.
Шалар. 32. Лачин. 34. Рес-
публика. 35. Орбита. 37. Мар-
шак. 38. Абганстан. 39. Ко-
вертюг. 41. Айтматов. 42.
Турман. 43. Мали. 45. На-
ля. 47. Лягос. 49. «Малю». 50. Юнос.

Романтик

**СТАРШЕКЛАССНИКИ!
УЧАЩИЕСЯ СРЕДНИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ И ПРОФЕССИО-
НАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКИХ УЧИЛИЩ!
МОЛОДЫЕ РАБОЧИЕ!
ВАМ, ШАГНУВШИМ ИЗ ДЕТСТВА
НА ДОРОГУ ПОИСКА, ДЕРЗАНИЙ, ТРУДА,
РЕДАКЦИЯ ПРИГОТОВИЛА ЖУРНАЛ**

Романтик

ЧИТАЙТЕ «СМЕНУ» № 231

КЛУБ ЮБИТЕЛЕЙ УТКИ

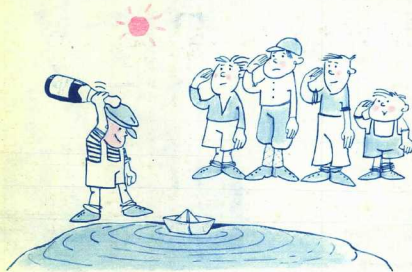
МИМОХОДОМ...

Вернувшись же удивляло, что свечи в церкви продавали по безвозможной цене.

Директор главного магазина оказался тертым калачом.

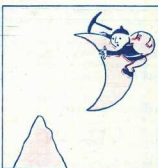
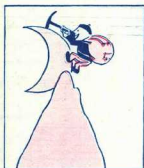
Переводы из редакции интересовали поэта больше, чем его собственные...

Ю. БАЗЫЛЕВ

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ МОМЕНТ.

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

СЛУЧАЙ С АЛЬПИНИСТОМ.

Рисунок А. ШАБАНОВА

Артель козцов

В своих воспоминаниях о Д. Н. Толстом известный физик А. В. Цингер рассказывает о задаче, которая очень нравилась великому исследователю: «Артели козцов надо было сосчитать два луга, один из них вавое больше другого. Половину дня артель козцов большой луг. После этого артель разделилась пополам: первая половина осталась на большом лугу и докосила его и вечером до конца, вторая же половина косила малый луг, на котором и вечером еще остался участок, снесенный на другой день одним козцом. Сколько козцов было в артели?»

Травы и коровы

Трава на всем лугу растет одинаково густо и быстро. Известно, что 70 коров поели бы ее в 24 дня, а 30 коров — в 60 дней. Сколько коров поели бы всю траву луга за 96 дней?

Не отрывая карандаша

- • • Девять точек расположены в виде квадрата. Не отрывая карандаша от карандаша от карандаша, попробуйте соединить все точки прямыми линиями.

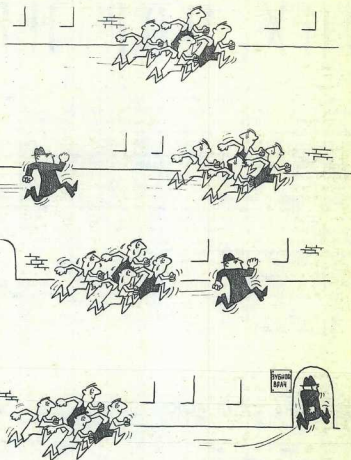

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, ПУБЛИКОВАННЫЕ В № 20

«ЗАМОК С СЕКРЕТОМ»

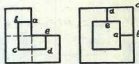
На составление всех комбинаций потребуется почти 3 750 восьмичасовых рабочих дней. Значит, шансов на то, что шифр будет открыт в течение ближайших 10 рабочих дней, имеется 10 на 3 750, или 1 на 375. ЭТО МАЛОВОЕРЯТНО.

«ТРАМВАЙ И ПЕШЕХОД»

Вагоны отходят каждые 6 минут.

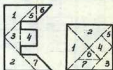
«ГОЛОВОЛОМКА»

Решение показано на рисунке.

КВАДРАТ ИЗ БУКВЫ «Е»

Как решить эту задачу, видно на рисунке.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-47, Буманный пр., 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок — Д 3-30-87; отделы литературы и искусства — Д 3-31-57; очерки и публицистика — Д 3-31-65; международная жюри — Д 3-31-59; физкультуры и спорта — Д 3-30-87; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 3-31-86; информация — Д 3-31-68; оформления — Д 3-31-31.

Главный редактор В. И. Самозин.

Редколлегия: Ю. Н. Верченко, Е. А. Долматовский, Е. И. Иванов [заместитель главного редактора], В. А. Костров, В. А. Кочетов, Б. П. Красевский [ответственный секретарь], Е. И. Рыбченко, А. Б. Стуков.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Соколова.

Технический редактор Н. Вудкина.

А 09201. Подписано к печати 6/Х 1963 г.
Тираж 1 000 000 экз. Изд. № 2008.
Заназ № 2547. Формат бумаги 70 × 108/16.
2 б. л. — 3,48 п. л.

Орден Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, ул. «Правды», 24.

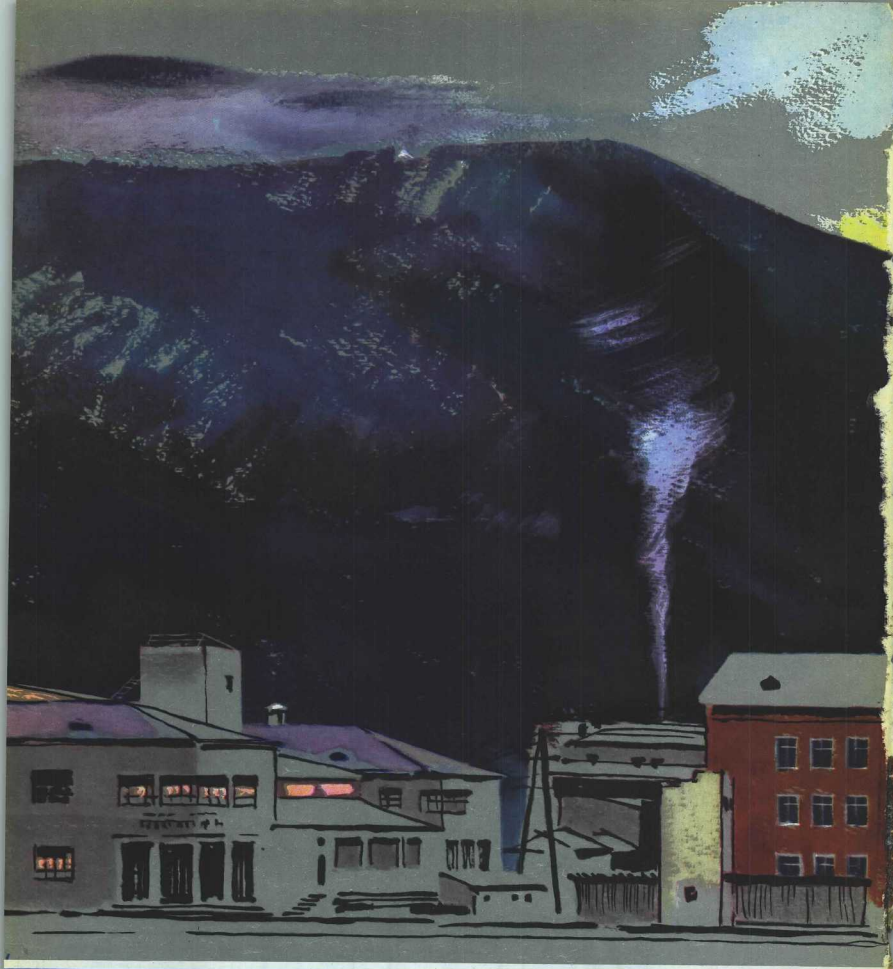

Рисунок художника О. ВУКОЛОВА

Цена номера 20 коп.

Индекс 71391